

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Е.И. Попов

Письмо к архиепископу Маннингу

Опубликовано:

Христианское чтение. 1869. № 5. С. 755-765.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ПИСЬМО

КЪ АРХІЕПИСКОПУ МАШИНГУ (Р. Кам.)

Эдмунда С. Фаукса (Ffoulkes), В. D., автора сочиненія подъ заглавіемъ: «Christendoms Divisions» (*).

Изми переле бревно изъ очесе твоего; и тогда узриши изыяти сущещъ изъ очесе брата твоего (Мѡ. VII. 5).

Милордъ архіепископъ!

Я беру смѣлость предложить вамъ, какъ официальной особѣ, вопросъ и въ то же время вызываю общественное мнѣніе здѣшней страны по сему случаю: пусть безпристрастно взвѣсятъ тотъ отвѣтъ, который будетъ вамъ благоугодно дать, или, въ противномъ случаѣ,

(*) Письмо это написано по поводу предполагаемаго вселенскаго собора въ Римѣ. Авторъ его—католикъ, но не раздѣляющій воззрѣній своихъ единовѣрцевъ на римско-католическую церковь, какъ единую истинную; онъ смотритъ на нее, какъ на одну изъ всѣхъ другихъ церквей; находитъ и въ ней, какъ въ другихъ, разныя слабыя стороны и недостатки и приглашаетъ ее къ устраненію ихъ путемъ радикальныхъ преобразованій, которыя, по его мнѣнію, должны составлять главнѣйшую задачу предполагаемаго собора. Для насъ православныхъ ближайшій интересъ этого письма состоитъ въ рѣдкомъ для католика безпристрастіи въ сужденіяхъ о характерѣ и историческомъ значеніи православной церкви, къ которой онъ относится съ полнымъ сочувствіемъ. Параллель, проводимая имъ между Восточной и Западной церквами, благоприятная для первой, должна быть очень поучительна для послѣдней.—*Ред.*

пусть выведутъ тѣ заключенія изъ вашего молчанія, которыя можетъ внушить положеніе дѣла.

Впрочемъ, вовсе не единственно потому я обращаюсь къ вамъ, что вы занимаете столь высокое положеніе. Какъ вы, такъ и я, родились и воспитались не въ той церкви, въ которой мы теперь находимся. Тѣ доводы, которые васъ расположили вступить въ общеніе съ церковію Рима, расположили равно и меня. Вы сдѣлали то прежде меня, а я за вами послѣдовалъ; послѣдовать однакожь за вами не слѣпо, какъ слѣдуютъ за вождемъ партіи. По крайнему моему разумѣнію, я слѣдовалъ за истиной, куда бы она меня ни вела и кто бы ни внушалъ ее. Тѣмъ не менѣе, если кто, то я готовъ всегда сказать и сказать открыто, — даже съ гордостью, — что среди моихъ поисковъ за истинною, вы постоянно помогали мнѣ разрѣшать разные мои недомыслія, — какъ проповѣдникъ, неподражаемою ясностію и строго-духовною возвышенностію вашихъ бесѣдъ, и какъ служитель Христовъ, благороднымъ примѣромъ преданности и самопожертвованія, словомъ, жизнью согласною съ вѣрой вашей. Слѣдствіемъ всего этого было то, что, наконецъ, мои убѣжденія заставили меня идти въ слѣдъ за вами, хотя я ни на одну минуту не переставалъ уважать, какъ васъ, и многихъ другихъ за ихъ глубокую ученость, истинную честность (*honesty*) и благочестіе, которые съ такою же разсудительностію и съ такимъ же убѣжденіемъ отстаивали свое положеніе, съ какими мы оставили его, столько лѣтъ тому назадъ. Даже тогда, когда я предпочтительно преклонился предъ вашимъ свидѣтельствомъ, я продолжалъ еще дорожить и ихъ свидѣтельствомъ (*testimony*); и потомъ, когда началась для насъ новая жизнь въ новыхъ

для насъ странахъ,—я долженъ сознаться,—я нарочито сталъ опредѣляться правиломъ, совершенно противоположнымъ тому, которымъ, какъ я полагаю, вы съ тѣхъ поръ руководствовались. Вы, и многіе, многіе другіе подобно вамъ, присоединяясь къ римской церкви, давали себѣ обѣтъ не открывать въ ней недостатковъ, но смотрѣть на нее ея же глазами, слушать ее ея же ушами, понимать ее ея же пониманіемъ, стоять или падать вмѣстѣ съ нею. Доводъ вашъ, конечно, заключается въ томъ, что римская церковь имѣетъ притязаніе быть непогрѣшимою; что вы подчинились ей, какъ церкви непогрѣшимою, въ полнѣйшей увѣренности, что ея рѣшенія никогда не выведутъ васъ на ложный путь; что они не иное что, какъ голосъ Божій, вѣщающій вамъ, и что, подъ опасеніемъ потерять спасеніе души, вамъ должно относиться къ нимъ—безъ всякаго испытанія и препирательства. Я присоединился къ церкви на другихъ основаніяхъ, и былъ принятъ. На практикѣ (practically), безъ сомнѣнія, римская церковь имѣетъ притязаніе быть непогрѣшимою, и всякой, кто дѣлаетъ ей эту уступку, дороже ей того, кто оспариваетъ подобное ея притязаніе: но, при вступленіи моемъ въ общеніе съ нею, мнѣ не дѣлали такихъ требованій, и если бы они сдѣланы были, быть можетъ, я вовсе не присоединился бы къ ней. Мнѣ предложено было принять только слѣдующую средне-вѣковую фразу, которой историческое значеніе я очень хорошо зналъ: „*Sanctam catholicam et apostolicam Romanam Ecclesiam, omnium ecclesiarum matrem et magistram, agnosco*“⁴. И я сказалъ тогда себѣ при этомъ случаѣ, что если она дѣйствительно непогрѣшима, то она можетъ устоять и противъ болѣе строгой критики, и устоять лег-

че, чѣмъ та церковь, которую я оставлялъ ради ея и которая никогда не дѣлала подобныхъ притязаній на непогрѣшимость. Ибо я думалъ, что, послѣ того, какъ съ такою крайнею строгостію всѣ мы разбирали притязанія англійской церкви, было бы съ нашей стороны въ высшей степени не примодушно закрыть наши глаза при видѣ тѣхъ или другихъ слабыхъ сторонъ, если онѣ окажутся въ системѣ, предпочтительно теперь нами усвоенной. Я чувствовалъ, что, если притязанія римской церкви окажутся въ совершенной гармоніи съ фактами, мнѣ дано будетъ смотрѣть на нее еще съ большимъ, въ десять разъ съ большимъ уваженіемъ, потому самому, что провѣрка этихъ притязаній и фактовъ будетъ сдѣлана мною самимъ. Если они истинны, то анализъ, безпристрастно веденный мною, только можетъ подтвердить ихъ; если же они ложны до известной степени, или преувеличенны, то, думалъ я, мы обязаны, по самой обыкновенной честности (honesty), сказать нашимъ друзьямъ, что мы до известной или въ известной степени, на самомъ дѣлѣ, не лучше и здѣсь, чѣмъ тамъ, гдѣ прежде были. Но покуда я не былъ дѣйствительно принятъ въ общеніе съ Римомъ, мнѣ казалось, да и члены римской церкви постоянно увѣряли меня, что мнѣ нельзя сдѣлаться безпристрастнымъ судьей его системы: и вотъ это одна изъ главныхъ причинъ, почему я рѣшился пристать къ Риму. Потомъ я жилъ въ разныхъ странахъ, гдѣ римская церковь есть господствующая церковь, и изучалъ ея богослуженіе и въ городахъ и въ деревняхъ, сравнивая все, что я видѣлъ, съ тѣмъ, что я оставилъ у себя. Наконецъ воротился домой и принялся прежнія мои свѣдѣнія въ исторіи ея минувшихъ вѣковъ приво-

дѣть въ лучшей порядокъ, въ особенности обращая вниманіе на тѣ причины, которыя произвели отчужденіе между ею и другими церквами и продолжаютъ и доселѣ производить оное. Все это было постояннымъ моимъ занятіемъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и даже болѣе, такъ что нельзя про меня сказать, будто я второпяхъ пришелъ къ моимъ заключеніямъ. Такое занятіе и настроеніе ума, сродное ему,—одобряете или не одобряете вы въ тѣхъ, которые сдѣлались членами римской церкви,—навѣрное только одобряете въ тѣхъ, которые продолжаютъ еще быть членами англійской церкви. Вы подвергаете критикѣ ихъ систему, и располагаете ихъ самихъ дѣлать подобную критику подъ вашимъ руководствомъ. Вы обращаетесь къ нимъ какъ къ людямъ, любящимъ правду и честность, и на семь основаній просите ихъ принять къ сердцу то, что вы говорите. Найдутъ они сказанное вами истиннымъ, тогда имъ должно, говорите вы, оставить ту церковь, противъ которой есть тѣ или другія неоспоримыя возраженія, оставить ради той, которую вы представляете имъ, какъ церковь непогрѣшимую,—я въ особенности имѣю въ виду ваши хорошо извѣстныя и, по суду многихъ, такъ благовременныя письма о „The Crown in Council on the Essays and Reviews“ (1). Не знаю, получили ли вы какой-либо отвѣтъ отъ того „Anglican friend“, на имя котораго письма ваши были адресованы; во всякомъ только случаѣ полагаю, что, когда вы писали, вамъ не могло не приходиться на мысль, что рано или поздно, такъ или иначе, кто-либо отвѣтитъ

(1) Эти „Essays“ и „Reviews“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были отпечатаны въ Оксфордѣ, и за нѣмецкій ихъ рационализмъ подвергнуты были суду и осужденію. *Перев.*

вамъ, и что этотъ отвѣтъ будетъ принятъ вами съ тѣмъ же безпристрастіемъ и съ тѣмъ же прямодушіемъ, которыя вы желали видѣть въ читающихъ или слушающихъ васъ; что въ случаѣ, если отвѣтъ будетъ успешенъ, и укажетъ вамъ на новую трудность, вы не увлнитесь отъ нея съ какимъ-либо презрѣніемъ, а постараетесь объяснить ее, какъ слѣдуетъ, удовлетворительно; или же, чувствуя себя обязаннымъ допустить, что она не можетъ быть объяснена удовлетворительно, вы не позволите себѣ унизиться до какой-либо увертки (subterfuge), которую вы осудили бы въ другомъ, и прямо сознаетесь, что вамъ данъ отвѣтъ (въ смыслѣ отпора). Итакъ позвольте, хотя на это время, занять мѣсто вашего „англиканскаго пріятели“: представьте себѣ, что это онъ говоритъ вамъ, воображьте себѣ, что ему дана довѣренность говорить отъ лица всѣхъ тѣхъ, къ которымъ вы обращались чрезъ него, и заключить свой отвѣтъ въ слѣдующемъ:

„Каждое слово, выронившееся у васъ относительно вліянія, оказываемаго у насъ на англійскую церковь „Короною in the Council“, я могу допустить, нимаю не чувствуя себя обязаннымъ усвоить себѣ сдѣланные изъ того вами выводы, по той простой причинѣ, что „two blacks dont make a white“=изъ двухъ черныхъ не выйдетъ ни одного бѣлаго“. Если все, что я слышу, правда, то въ вашей церкви и было и есть въ два раза больше того, что вы называете „Crown in Council“, чѣмъ у насъ. По моему смиренному мнѣнію, мы по всей справедливости можемъ сказать, что этотъ урокъ получили отъ васъ, что слѣдуемъ тому примѣру, который вы оставили намъ, когда еще мы были во младенчествѣ, и вѣрно заботимся о выдержкѣ вашихъ

собственныхъ началъ, согласно съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ мы поставлены. Я не буду разбирать теперь, какъ, „in virtute“ хорошо извѣстной сицилійской монархіи, по милости папы, потомки короля Roger'a обладали тѣмъ же самымъ авторитетомъ „по всѣмъ дѣламъ и надъ всѣми лицами, церковными и мірскими“, который усвоили себѣ, вопреки папѣ, потомки Генриха VIII: но вотъ на что попрошу у васъ честнаго отвѣта. Скажите мнѣ, чей это символъ вѣры, который вы и архіепископъ кантербурійскій каждый разъ доселѣ одинаково читаете при совершеніи литургіи,—символъ ли это церкви или короны? Я укажу вамъ теперь на тѣ основанія, по которымъ я пришелъ къ непреложному убѣжденію, что символъ этотъ есть символъ короны. Негдѣ я читалъ, и видѣлъ подлинныя документы, приведенные со всѣми подробностями, въ доказательство того, что такова его исторія. Символъ этотъ былъ читаемъ и авторитетно утверждень четвертымъ вселенскимъ соборомъ въ двухъ формахъ: въ формѣ никейской и константинопольской. Ни въ одной изъ нихъ, въ членѣ относительно Святаго Духа и Его исхожденія, не находится этихъ словъ—„и отъ Сына“. Соборъ, поступая далѣе, сказалъ въ своемъ „formal“ опредѣленіи, что символъ сей, только что произнесенный, „со всею ясностію и точностію учить (*ἐκδηλόω*) и заключаетъ въ себѣ *совершенное* ученіе (*τὸ τέλειον*) относительно Отца, Сына, и Святаго Духа“. Сдѣлавъ сіе догматическое положеніе, „Святой и Вселенскій Соборъ“,—я привожу точныя слова и въ томъ и другомъ случаѣ,—„опредѣлили, что не законно—кому бы то ни было—предлагать, т. е. составлять, слагать, содержать, иную вѣру или учить другихъ иначе. Тѣ, которые

дерзнули бы или составить другую вѣру (Faith), или изнести, преподавать и сообщить другой символъ желающимъ возвратиться къ познанію истины,—будутъ ли то іудеи, язычники или какіе-либо еретики,—если епископы или духовные, имѣютъ быть изложены, если міряне, анаематствованы“; — и все это было повторено слово въ слово, и снова утверждено съ обычною торжественностію—пятымъ и шестымъ соборами. Если бы смыслъ ихъ могъ допустить какое-либо сомнѣніе, то его можно было бы опредѣлить по замѣткамъ разныхъ современныхъ писателей, которые тоже самое подтверждаютъ, говоря, что ни слова нельзя прибавить къ этому символу, равно ни слова нельзя и отнять отъ него, какъ онъ, за вышеприведеннымъ исключеніемъ, и доселѣ остается въ прежнемъ видѣ. Замѣчательна въ семъ отношеніи присяга, какую сами папы дѣлали. Согласно съ древней формой, сохранившейся (1) въ ихъ Liber Diuinus, каждый папа, при избраніи его, клялся во всей цѣлости и ненарушимости сохранять опредѣленія первыхъ пяти соборовъ, а потомъ, *in sequenti clausa*, и шестаго собора *usque ad unum apicem*,—клялся учить всему тому, чему они учили, и осуждать все то, что они осуждали. Этою клятвою онъ обязывался *à fortiori* сохранять ихъ символъ, *usque ad unum apicem*. *Si praeter haec aliquid agere praesumpsero, vel ut praesumatur permisero, eris mihi (Deus) in illâ terribili die iudicii depropius*,—вотъ какое проклетіе онъ долженъ былъ провозносить на свою голову, въ случаѣ измѣны его даннымъ имъ обязательствамъ. Я прошу васъ особенное обратить вниманіе на эти слова, по-

(1) Migne's Patrol., tom. CV. p. 40.

тому что, оказывается, ихъ болѣе нѣтъ въ папской присягѣ одиннадцатаго вѣка; а этой порой, хотя это нововведеніе не разъ было приостанавливаемо въ своемъ прогрессѣ, я нахожу, всѣ церкви Запада, съ церковію Рима во главѣ ихъ, стали уже употреблять символъ вѣры, съ прибавленіемъ къ нему словъ,—и отъ Сына? Но напрасно стали бы мы искать какаго-либо канона или опредѣленія какаго-либо генеральнаго собора, дающаго уполномоченіе на подобную вставку. Напрасно стали бы мы искать какой-либо папской энциклики, въ родѣ той, какая была сдѣлана настоящимъ папою, когда „Immaculata Conceptio V. Virginis“ было возводимо на степень догмата или какой-либо граматы, которою бы возвѣщалось или объяснялось, почему тѣ прибавочныя слова вставлены въ символъ. Напротивъ, я нахожу изъ подлинныхъ историческихъ документовъ, что они сначала внесены были въ символъ украдкою, а наконецъ удержаны тамъ силою или насиліемъ: власть, помогавшая ввести ихъ въ символъ, была, главнымъ образомъ, именно власть „of the Crown in Council, а власть, протпвившаяся тому, была власть большинства современной церкви, поддерживаемая папою, чтобъ не сказать—власть всѣхъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ, на которые они ссылались. Вы меня поправите, если я сдѣлалъ какую-либо историческую ошибку. Итакъ я нахожу, что первоначальнымъ введеніемъ этой прибавки мы обязаны королю Recessed'у, королю варварскаго и въ тѣ поры еретическаго племени въ Испаніи, который, въ 589 г., въ актѣ отреченія отъ аrianства, по невѣдѣнію или по злоумышленности, внесъ символъ вѣры съ прибавленіемъ „Filioque“, и внесъ его стоя во главѣ епископовъ своихъ владѣній, изъ которыхъ тоже

многіе только что успѣли отречься отъ аrianства, подобно ему самому. Ни одинъ изъ папъ не могъ бы имѣть столь дѣятельное участіе—на этомъ третьемъ толедскомъ соборѣ,—и въ отношеніи къ доктринамъ и въ отношеніи къ дисциплинѣ, какое имѣлъ тогда этотъ король. Никто изъ знающихъ дѣянія сего собора не можетъ того отринуть. Таково-то было, можно сказать, мірское крещеніе этой новой прибавочной *clausa*. Происхожденіе и начало ея такъ были темны, что ея даже и не замѣтили на шестомъ соборѣ, гдѣ символъ вѣры еще разъ былъ провозглашенъ въ первоначальной его формѣ, опредѣленной четвертымъ соборомъ, какъ будто бы ничего въ семь родѣ и не бывало. Но въ осьмомъ вѣкѣ, передъ тѣмъ, какъ быть седьмому собору, императоръ Карлъ (Charlemagne),—я говорю—императоръ—*per anticipatiorem*,—совершенно разладилъ съ императорскимъ восточнымъ дворомъ. Мало того: братъ новаго патріарха константинопольскаго, св. Тарасія, который предсѣдательствовалъ на седьмомъ соборѣ, какъ военно-пѣхотный, попался ему въ руки: то было во время схватки его съ войсками Карла, въ Италіи. Соборъ, однакожъ, состоялся въ 787 г., сдѣлалъ свои опредѣленія, получилъ на то согласіе папы, и сей послѣдній препроводилъ—и опредѣленіе и свое на нихъ согласіе — къ Карлу. Карлъ же, горя злобою на Востокъ, тотчасъ же принялся писать сочиненіе въ опроверженіе этихъ опредѣленій, и, когда оно было готово, созвалъ соборъ во Франкфуртѣ, на который пригласилъ всѣхъ подвластныхъ себѣ епископовъ: на этомъ-то соборѣ формально отвергнуты были всѣ опредѣленія седьмаго собора, а его собственное сочиненіе, написанное имъ противъ нихъ, конечно, при

помощи его богослововъ, было одобрено. Сочиненіе это онъ препроводилъ къ тому самому папѣ, который изъявлялъ свое согласіе на означенныя опредѣленія. Однимъ изъ главныхъ его обвиненій было то, что соборъ, составляя свои опредѣленія, умолчалъ или двусмысленно будто-бы выразился относительно одного пункта, который онъ считаетъ долгомъ своимъ разъяснить папѣ со всею подробностію, а именно, относительно исхожденія Святаго Духа—„я отъ Сына“, другими словами,—что въ символѣ, прочитанномъ на соборѣ не оказалось той прибавки, которая сдѣлана была въ немъ въ Испаніи королемъ Рекаредомъ.

„Что сказалъ папа въ защиту св. Тарасія, мы не будемъ теперь изслѣдовать: но вотъ что онъ говоритъ въ отвѣтъ своемъ на возраженія короля.

„Мы уже объявили божественные догматы сего собора не зазорными (irreprehensibiles), какъ то обильно свидѣтельствуя творенія главнаго изъ святыхъ отцевъ. Ибо если бы кто сказалъ, что онъ не такъ учитъ, какъ учитъ символъ вышепоименованнаго собора, тотъ сказалъ бы, что онъ не такъ учитъ (или, по видимому, не такъ), какъ учитъ символъ вѣры шести святыхъ соборовъ, потому что эти отцы не отъ себя говорили, но согласно съ тѣмъ, что свято было опредѣлено и положено прежде: да и въ книгѣ шестаго святаго собора, между прочимъ, такъ написано: этотъ символъ вѣры долѣетъ для совершеннаго вѣдѣнія... относительно Отца, Сына, и Святаго Духа; чему онъ учитъ, то совершенно“.

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.

Продолженіе будетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Е.И. Попов

Письмо к архиепископу Маннингу

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 6. С. 916-944.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ПИСЬМО

КЪ АРХІЕПИСКОПУ МАННИНГУ (Р. Кат.)

Эдмунда С. Фаукса (Ffoulkes), В. D., автора сочиненія подъ заглавіемъ: «Christendom's Divisions».

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) (1)

„Спрашиваю васъ теперь, Милордъ, спрашиваю простымъ англійскимъ языкомъ, возможно ли себѣ представить, чтобы „Crown in Council“ могла съ большею отважностію возстать противъ „Символа Вѣры“, противъ Символа Церкви, и притомъ въ глазахъ папы? Я убѣжденъ, что ничего тому подобнаго нѣтъ и небыло въ исторіи англійской церкви, по крайней мѣрѣ со времени Реформаціи. Карль, послужившій выраженіемъ Франкфуртскаго собора, состоявшаго изъ его собственныхъ подданныхъ или союзниковъ, формально возсталъ противъ Символа Церкви, въ томъ его видѣ, какъ онъ тогда имѣлся, и какъ онъ только что въ четвертый разъ былъ провозглашенъ Вселенскимъ, съ согласія папы, возсталъ потому только, что въ членѣ его, гдѣ опредѣляется исхожденіе Святаго Духа, не доставало словъ— „И отъ Сына!“

(1) См. Хр. Чт. № 5.

„И такъ приходится заключать, что „Crown in Council“ лучше знакома съ Богословіемъ, чѣмъ Церковь на соборъ или папа, потому что эта „Crown“ взяла верхъ надъ всѣми; или же должны заключить, что церковь римская, усвоивъ себѣ эти придаточныя слова—Filioque сдѣлала то просто въ угоду „Коронѣ“: другаго исхода для умозаключеній нѣтъ. Все, однакожь, дѣло еще оставалось нѣсколько времени въ прежнемъ видѣ: Карлъ, по видимому, не бралъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ въ настоящій моментъ, хотя по прежнему употреблялъ прибавку Реквареда, когда читали или пѣли „Символь Вѣры“ въ его собственной капеллѣ. По его ли то внушенію или нѣтъ, не знаемъ мы, только нѣкоторые изъ монаховъ его имперіи привесли эту вставку, впоследствии, въ Іерусалимъ, и нарочито хвалились ею въ одномъ изъ восточныхъ патріархатовъ, гдѣ они поселились. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, во 1-хъ, что восточные сразу открыли и единодушно осудили это нововведеніе, и во 2-хъ, что монахи, въ извиненіе себя и въ защиту вставки, указывали на то, что Символь Вѣры такъ, а не иначе читали и пѣли въ императорской капеллѣ. Естественно, тогда снова поднялся вопросъ, — и императоръ, не теряя времени, взялъ на себя рѣшить дѣло по своему. Еще разъ поставивъ себя во главѣ своихъ епископовъ, онъ объяснилъ то, что казалось ему православнымъ въ этомъ ученіи, въ особенномъ письмѣ къ папѣ, (а папою въ этотъ разъ былъ человекъ весьма много ему обязанный—Левъ III), и, въ заключеніе, просилъ его усвоенное имъ толкованіе Символа Вѣры сдѣлать обязательнымъ. Папа съ своей стороны нашелъ, что толкованіе это правильно, только думалъ, что все таки не должно дѣлать эту

вставку въ Символь Вѣры. „Такъ если я вѣрно понимаю“, сказалъ одинъ изъ императорскихъ депутатовъ, „Ваша Paternitas желаетъ сперва эту clausa изъять изъ Символа Вѣры, а потомъ объявить, что законно и учить согласно съ нею и употреблять ее—въ чтеніи ли то или въ пѣніи“. „Безъ сомнѣнія, таково мое желаніе“ отвѣчалъ Левъ. „и я желалъ бы васъ всячески убѣдить такъ дѣйствовать“. Что папа сильно сомнѣвался въ достиженіи своей цѣли, видно уже и изъ того, что, со временемъ, онъ велѣлъ вырѣзать Символь Вѣры, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, безъ прибавленія словъ—„и отъ Сына“, на двухъ серебряныхъ платахъ, „pro sanctilâ orthodoxae Fidei“, какъ онъ самъ сказалъ, а не для того только, чтобы Символь Вѣры могъ остаться неприкосновеннымъ. Что опасенія его были основательны, то мы знаемъ отъ Энея, епископа парижскаго, который, спустя пятьдесятъ лѣтъ, писалъ, что вся галликанская церковь, каждое воскресенье, пѣла Символь Вѣры въ томъ видѣ, какой отстаивалъ для него Карлъ. Прежде же сего, поборники этого нововведенія, усилившіеся внести его въ Болгарію, встрѣтили здѣсь гораздо болѣе чувствительный отпоръ со стороны востока, чѣмъ въ Іерусалимѣ, во время первой ихъ попытки тамъ. Тѣмъ не менѣе партія Карлова продолжала свое дѣло, и, въ другихъ отношеніяхъ, сдѣлалась столь полезною Риму, что обезоружила его, и Римъ отказался отъ своей оппозиціи. Еще два вѣка, — и самъ Римъ усвоилъ себѣ Символь Вѣры съ прибавленіемъ „и отъ Сына“, усвоилъ потихоньку, втихомолку: онъ не далъ знать о томъ ни окружной грамотой, ни соборнымъ постановленіемъ, ни папскимъ декретомъ. Дѣло было сдѣлано въ уголку, и не случилось тамъ быть од-

ному любознательному, литургическому писателю западной Европы, который нарочито отправился въ Римъ— посмотреть, какъ папа будетъ короновать государя его Генриха II (въ 1014 г.), никто и гадательно не зналъ бы, какъ все это произошло. То былъ Берно: онъ-то и рассказывалъ намъ, что привелось ему видѣть собственными его глазами и слышать собственными его ушами. Занятый литургическимъ трудомъ, естественно, онъ не могъ оставить безъ вниманія то, что имѣло отношеніе къ его труду, не могъ ходить по Риму, не замѣчая, что и какъ въ немъ дѣется. И такъ онъ говоритъ, что до этого времени римляне (т. е. церковь римская вообще) *вовсе не пѣли и не читали Символа Вѣры послѣ Евангелія*; но что императоръ Генрихъ неотступно этого требовалъ, и наконецъ, съ одобренія всѣхъ, убѣдилъ папу Венедикта дать повелѣніе пропѣть оный за Миссою. На истолкованіе этого мѣста у Берно много потрачено всякаго рода учености; но такъ какъ на западѣ пѣли Символь Вѣры только въ той формѣ, какая дана ему Карломъ, то само собою разумѣется, что и теперь императоръ имѣлъ въ виду символъ съ сдѣланнымъ въ немъ прибавленіемъ. Венедиктъ, за годъ предъ тѣмъ, былъ возвращенъ Генрихомъ изъ ссылки, и потому, конечно, чувствовалъ себя обязаннымъ исполнять его желанія: все однакожь, повидимому, ему стоило не малой борьбы сдѣлать въ семъ случаѣ уступку.

„Такимъ-то образомъ Реккаредъ ввелъ означенную вставку въ Символь Вѣры; Карлъ взялъ ее подъ свое покровительство, а Генрихъ II заставилъ ее принять и самихъ папъ. За послѣднимъ актомъ не замедлила последовать переменна и въ папской присягѣ. Само собою

разумѣется, позднѣйшіе папы не могли не желать увлочиться отъ такой присяги, въ которой призывался на нихъ грозный судъ Божій, въ случаѣ, если они не останутся вѣрными опредѣленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, „usque ad ultimum arisem“, не могли, говорю, не желать, потому что не могли не чувствовать, какъ измѣннически они поступили съ Символомъ Вѣры. И дѣйствительно, вмѣсто прежняго заклинанія, мы находимъ слѣдующую очень простую форму для ихъ присяги: „да будетъ Богъ милосердъ ко мнѣ въ тотъ страшный день, если я потщусь блюсти все то, въ чемъ поклялся“. Если бы имѣлось въ виду сказать, что, отъ времени до времени, они были вынуждаемы дѣйствовать иначе, конечно другой, лучшей формы не могло бы найтись.

„Послѣ того, какъ и почему символъ, употребляемый нами въ нашей литургіи, назвать Символомъ Церкви, а не символомъ Короны, я понять не могу; послѣ того, какъ можно спасти Римъ отъ обвиненія его въ томъ, что онъ падаетъ и палъ предъ „Словъ Council“, и палъ безконечно болѣе, чѣмъ Англія, я очень, очень желалъ бы, во всей простотѣ, послушать васъ и поучиться у васъ. Ибо приведенные нами факты, какъ я предполагаю, и вы допустите, нельзя отнести къ разряду прослыхъ или пустыхъ „антикварныхъ изысканій“, или „сухихъ умозрѣній“. Формальныя опредѣленія церкви и теперь столь же обязательны, столь же догматически правильны, какъ и тогда, когда онѣ были провозглашены въ первый разъ. А въ одномъ изъ нихъ, повторовшемся цѣлымъ рядомъ Вселенскихъ Соборовъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, говорится, что то, чему учить Символъ Вѣры въ отношеніи къ Троицѣ, было совершенно, совершенно въ то время, когда еще въ

немъ не было прибавочныхъ словъ — „и отъ Сына“. Теперь, препираться и говорить, что возможно и дальнѣйшее объясненіе того, что уже положительно совершенно, значить лишать слова ихъ явнаго, прямого смысла и оскорблять общій здравый смыслъ. Большинство, и весьма значительное большинство церкви было на сторонѣ Адріана I и Льва III, когда они отстаивали цѣлостный, неподдѣльный Символъ Вѣры противъ Карла: большинство, и весьма значительное большинство церкви было противъ Венедикта VIII, когда онъ уступалъ угрозамъ или убѣжденіямъ Генриха II. Такое же большинство церкви отторглось отъ общенія съ папою за измѣну его Символу Вѣры, и, наконецъ, рѣшилось скорѣе уничтожиться и сгладиться съ лица земли, чѣмъ оставить Символъ Церкви и смѣнить его символомъ Короны. Я рѣшительно не вижу, гдѣ кончается параллель „quoad principium“? Режкаредъ, Карль и Генрихъ II предписали символъ Вѣры для запада, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, въ какой Генрихъ VIII, Эдуардъ VI и Елизавета предписали свой символъ для Англіи. Что первый состоялъ въ четырехсложномъ словѣ, а второй въ тридцати девяти членахъ, заключающихъ подъ собою шесть сотъ предложеній, — это, въ принципѣ, еще не имѣетъ особенной важности: и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково послѣдовала схизма, и обѣ эти схизмы существуютъ доселѣ во всей своей силѣ. Когда западъ отдѣлился отъ востока, востокъ составлялъ собою весьма значительное большинство церкви; когда Англія отдѣлилась отъ Рима, весьма значительное большинство запада было на сторонѣ Рима. Такимъ-то образомъ Риму отплачено было его же собственной монетой. Прибавленіе къ Символу Церкви

причинило одну схизму; изъятія, сдѣланныя изъ символа церкви римской, причинили другую. Реформація была въ одно и то же время и отмстительницею неправды и логическимъ слѣдствіемъ схизмы между востокомъ и западомъ. Западъ сдѣлался добычею разъединенія, разбился въ куски, и потерялъ довѣріе къ своему собственному „Credo“, въ возмездіе за свое поведеніе относительно востока, который онъ попираетъ за то именно, что востокъ отстаиваетъ Символь Церкви. И такъ если англиканское рукоположеніе не дѣйствительно въ глазахъ Рима, то пусть западное рукоположеніе поставятъ лицомъ къ лицу съ Символомъ Вѣры, съ канонемъ и опредѣленіемъ четвертаго, пятаго и шестаго соборовъ: по опредѣленію ихъ, Символь Вѣры считается совершеннымъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ былъ онъ тогда; канонъ же ихъ гласитъ, что какой бы то ни было епископъ или духовный, посягнувшій на измѣненіе его, подвергается низложенію. Покуда не дадутъ этому канону какого либо — „non-natural sense“ (1), я не вижу и видѣть не могу, какъ дѣлать выборъ и разборъ между англиканскимъ и римскимъ рукоположеніемъ: вѣдь даже до сего дня сила этого канона должна простирается на каждого епископа и священника на западѣ, на каждого епископа и священника читающаго или поющаго символъ Реккарета и Карла, вмѣсто Символа Церкви. Если же сила его утратилась, обветшала, то это потому, что сама власть, долженствующая охранять его, утратила свою силу; другими словами, это

(1) Это выраженіе вошло въ англійскую богословскую діалектику съ тѣхъ поръ, какъ называющіе себя „Англо-Католиками“ стали примирять XXXIX Articuli Fidei съ православнымъ ученіемъ католической церкви.

потому, что исполнительная, правительствующая власть пераки или безгласна, или небрежна или не может дѣйствовать. Позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о характеристическомъ свойствѣ этого канона. Была пора, когда ложно понимали его, и отъ того онъ терялъ свою силу. Обыкновенно говорили объ немъ, какъ о седьмомъ канонѣ Эфесскаго Собора, и отъ того смотрѣли на него, какъ и на всякій другой канонъ Вселенскаго Собора, — съ небольшимъ и съ меньшимъ уваженіемъ. Взглядъ этотъ далеко невѣренъ. То правда, въ первый разъ онъ положенъ былъ на Эфесскомъ Соборѣ; но тогда имѣлось въ виду прилагать его только къ первоначальной формѣ Никейскаго Символа Вѣры, такъ какъ только эта форма и употреблялась тогда, какъ мы знаемъ то изъ „Акта“. И онъ приходился седьмымъ въ ряду положенныхъ тогда канонѣвъ. На Халкидонскомъ же Соборѣ онъ снова поставленъ при весьма различныхъ обстоятельствахъ: тамъ онъ является не въ ряду канонѣвъ, а тотчасъ же слѣдуетъ за опредѣленіемъ. Когда Никейскій Символь Вѣры въ первоначальной его формѣ, и тотъ же Символь въ болѣе пространной формѣ, данной ему Соборомъ Константинопольскимъ, были прочитаны и властію Собора поставлены въ однозначительное достоинство, тогда приложено было къ нимъ и формальное опредѣленіе Собора, а къ опредѣленію и этотъ канонъ. Такимъ образомъ ему усвоено новое высшее значеніе, которое одинаково подтвердили пятый и шестой соборы. Онъ пересталъ быть канонѣвъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а сдѣлался догматическимъ канонѣвъ, столь же неизмѣнно и повсемѣстно обязательнымъ, какъ и самое опредѣленіе, къ которому онъ приложенъ; сдѣлался тѣмъ же, напр.

чемъ служить сужденіе, приложенное Никейскими Отцами къ ихъ Символу—„тѣ, которые говорятъ, что было время, когда Его не было“, и т. д. Послѣ этого папы столь же легко могли бы согласиться на измѣненіе и и этихъ clause (статей или оговорокъ), какъ они согласились на измѣненіе этого канона.

„Есть и еще одинъ пунктъ въ связи съ этимъ канономъ, на который я желаю бы обратить ваше особенное, даже особеннѣйшее вниманіе, а именно, что вы и подчиненные вамъ можете сказать въ оправданіе вашей новѣйшей практики, такъ рѣшительно противной этому канону, по которой отъ всѣхъ, переходящихъ къ вамъ изъ англиканизма, вы требуете, чтобы они прочитали передъ вами и потомъ подписались, что они приняли символъ вѣры папы Пія, когда этотъ канонъ, неизмѣнно обязательный для всей Церкви, нарочито гласить, что лица, вступающія въ общеніе съ Церковію, *изъ какой бы то нибыло ереси*, должны принимать именно Никейскій, а не другой какой либо Символъ? Каждый разъ, какъ вы нарушаете это правило, вы подвергаетесь тому осужденію, которое въ подобныхъ случаяхъ изрекаетъ Церковь; только церковь Рима потеряла прежній свой голосъ. Истинно, ужъ не въ стеклянномъ ли какомъ домѣ вы сами живете, милордъ? Простите за метафору: она невольюно приходитъ на мысль.

„Такъ вотъ какой отвѣтъ, думаю я, могли бы дать вамъ англикане на ваши письма о „*Crown in Council*“! Печатая ихъ, вы конечно имѣли въ виду не одного *anglican friend*“, а потому и я даю гласность моему отвѣту, какъ ради ихъ, дабы они могли, если то будетъ имъ угодно, сочувствовать мнѣ, такъ и ради себя, чтобы удовлетворить требованіямъ моей совѣсти,—

будутъ или не будутъ они сочувствовать мнѣ. Во всякомъ случаѣ, чувствуется мнѣ, не могу я не сказать, не могу не сказать открыто, и имъ и вамъ, въ какой степени изслѣдованія этого вопроса измѣнили мой взглядъ на римскія притязанія. И, хотя воссоединеніе христіанства, бывшее предметомъ моей мечты, молитвы, помысловъ и трудовъ моей жизни, по видимому, теряется теперь въ совершенно безвѣстной дали. все-таки я желаю, на память себѣ и другимъ, записать мое рѣшительное убѣжденіе, что это воссоединеніе не можетъ и не должно состояться до тѣхъ поръ, пока не найдется какой-либо матеріальной гарантіи (material guarantees), что Римъ не будетъ опять тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ, въ извѣстной степени, доселѣ остается. Такъ не сокрушима для меня всѣ дознанные мною факты и доказательства, что Римъ поведеніемъ своимъ, больше, чѣмъ чѣмъ-либо другимъ, раздѣлилъ христіанство, что въ томъ виновата не столько его вѣра, сколько политика, продолжающаяся послѣднее тысячелѣтіе, со дней Карла. Именитые святые и учителя среднихъ вѣковъ, сколько я чувствую, всѣ въ томъ же духѣ говорили; можно сказать, и я говорю ихъ языкомъ: обличенія ихъ необычайно были сильны, особенно, когда они не лично говорили о томъ или о другомъ папѣ. Св. Бернардъ, говоря далеко не прикрашеннымъ языкомъ о „ропотѣ и жалобахъ церквей“ его времени (1), вовсе говорить не съ тѣмъ, чтобы напасть на своего прежняго питомца Евгенія. „Онѣ вопіютъ“, говоритъ онъ. „вопіютъ громко, что ихъ изувѣчили, обезчленили... Аббаты изъяты изъ власти епископовъ, епископы изъ власти архіеписко-

(1) De Consid. III. 4.

повь, архієпископы изъ власти примасовъ или патріарховъ. Можетъ ли это быть хорошо въ теоріи? Можетъ ли это быть извинено на дѣлѣ?... Ужели вы можете думать, что законно обезчленивъ церковь, разстроить порядокъ, нарушить предѣлы, поставленные для васъ отцами вашими? Если справедливость требуетъ, чтобы каждый пользовался своими собственными правами, то какъ согласить съ справедливою то, что вы дѣлаете, а именно — отнимаете отъ человѣка то, что ему принадлежитъ? Вы ошибаетесь, если думаете, что ваша апостольская власть, какъ бы она велика ни была, есть единственная власть, установленная Богомъ... Ваша власть отнюдь не единственная власть, исходящая отъ Бога: есть и другія посредствующія и еще меньшія власти, равно исходящія отъ Бога; и какъ не должно раздѣлять тѣхъ, кого Богъ сочеталъ, такъ равно не должно сочетавать въ одно то, что Богъ раздѣлилъ". „Разъ“, пишетъ Іоаннъ Сализбургскій, „ходилъ я до самой Апуліи, чтобы видѣть милорда папу Адріана“ (то былъ англичанинъ родомъ): онъ очень приблизилъ меня къ себѣ, и я провелъ у него въ Беневенто почти три мѣсяца. „Во время разговора, который продолжался у насъ столько, сколько можетъ продолжаться между друзьями, онъ спросилъ меня прямо и откровенно, что думаютъ о немъ и о римской церкви? Я рассказалъ ему въ отвѣтъ, со всею подробностію и безъ всякой утайки, обо всемъ, что дошло до моихъ ушей во время моего путешествія по провинціямъ. Какъ мнѣ столь многіе говорили, такъ и я сказалъ, что римская церковь, мать всѣхъ церквей, является въ глазахъ другихъ скорѣе мачихой, чѣмъ матерью... А что до римскаго первосвященника, приба-

вилъ я, то его называютъ всемірнымъ притѣсителемъ, выводящимъ всѣхъ изъ терпѣнія... Такъ вотъ что говорятъ въ народѣ, святѣйшій отецъ, если ужъ вамъ дѣйствительно угодно знать, что говорятъ (1).

Три вѣка спустя послѣ того, такъ восклицала великая сѣверная пророчица, по какому-то откровенію: „О папа! Ты хуже Люцифера, ты несправедливѣе Пилата, ты враждебнѣе Іуды (для меня), ты мерзостяѣе (для меня) самихъ жидовъ“ (2). И говорила она такъ не о порокахъ какого-либо папы въ особенности, но вообще, о папствѣ, въ томъ его видѣ, какъ оно тогда было. Я могъ бы привести цѣлыя страницы изъ средневѣковыхъ писателей, гдѣ слышится тотъ же самый тонъ рѣчи. Они обличали, — и, имѣя исторію передъ глазами нашими, мы не можемъ отважиться сказать, чтобъ ихъ обличенія страдали преувеличеніемъ, — они обличали начала и практику системы, извѣстной подъ именемъ куріи римской, ибо здѣсь была главная квартира всякаго зла: курія эта, ясное дѣло, началась при Карлѣ и его преемникахъ, продолжавшихъ „Donatio“, и смѣнила собою и духъ самоотверженія и пастырскіе дары, наследованные отъ св. Петра. Какъ скоро утвердилась эта новая держава, папы оказались всемогущими на зло, а на добро—беспомощными, безсильными даже и наилучшіе изъ нихъ. Евгеній III еще не успѣлъ ничего начать, а уже не могъ противостоятъ тѣмъ перемѣнамъ въ конституціи церкви, которыя такъ горько обличалъ и оплакивалъ св. Бернардъ.

Все это я зналъ, и долго объ этомъ думалъ, прежде

(1) De Nugis Cur. VI. 23.

(2) Mansi, tom. XXX. pp. 715—18, съ комментариемъ кардинала Тиллестремата.

чѣмъ присоединился къ римской церкви, какъ въ томъ могутъ быть мнѣ свидѣтелями мои книги. Я и тогда подумывалъ, а теперь, прочитавъ еще разъ церковную исторію, будучи уже римскимъ католикомъ, вдвойнѣ убѣдился, что если было когда-либо какое-либо извинительное возстаніе противъ власти или авторитета, то это возстаніе, называемое нами Реформаціей: и будь это возстаніе чисто только противъ свѣтской власти церкви, въ родѣ, напримѣръ, возстанія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, навѣрное, мнѣ и на мысль не пришло бы оставить общеніе съ англиканской церковію ради общенія съ церковію Рима, точно также, какъ я предполагаю, никто изъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, въ здоровомъ смыслѣ, не объявилъ бы себя. *By principle*, британскимъ подданнымъ. Но Писаніе говорило мнѣ, что Церковь должна быть одна; исторія говорила мнѣ, что приматство въ этой единой Церкви, съ незапамятныхъ временъ, принадлежало престолу Рима; кромѣ того, исторія говорила мнѣ, что со времени основанія кантербурійской кафедры до Реформаціи, церковь англійская составляла одно съ церковію римскою, не принужденно и съ осмотрительностію, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, подавала голосъ свой относительно доктрины и дисциплины ея, не исключая и главенства папы, и отвѣчала или дѣлала себя отвѣтственною за порчи и поврежденія, скопившіяся въ среднихъ вѣкахъ и ускорившія катастрофу шестнадцатаго столѣтія. по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и всякая другая изъ церквей, бывшихъ въ общенія съ Римомъ, на материкѣ Европы. Отъ того-то, дѣйствительно, казалось мнѣ, что англійская церковь не право поступила, отдѣлившись отъ тѣла, котораго она была столько вре-

мени дѣятельнымъ членомъ, и озаботившись только охраненіемъ своей собственной ладьи, вмѣсто того, чтобы мужественно стоять подъ своимъ знаменемъ, и всѣми силами стараться ввести старый корабль въ пристань. Во всякомъ случаѣ, спрашивалось, зачѣмъ намъ постоянно было оставаться въ состояніи изолированномъ, въ состояніи одиночества? Полагая, что можно вѣрнуться католическимъ богословамъ здѣшной страны, ученіе которыхъ, какъ мнѣ думалось, вполне выразилось въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ „Вѣра католиковъ—Faith of catholics“, въ 3-й разъ, отпечатанномъ въ 1846 г., и посвященномъ покойному епископу Вальшу, я невольно говорилъ себѣ, что, по крайней мѣрѣ, въ *настоящей* римско-католической системѣ нѣтъ ничего, къ чему бы нельзя было по совѣсти подписаться, — и именно ради расторженія тѣхъ преградъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ прочихъ церквей, въ общеніи съ коими наши предки и жили и скончались... Но болѣе близкое знакомство съ континентальными церквями, и болѣе строгое изслѣдованіе вопроса относительно раздѣленія между Востокомъ и Западомъ значительно измѣнили мой взглядъ на весь вопросъ относительно Англии и Рима. Начнемъ съ послѣдняго.

Вы, безъ сомнѣнія, припомните, какъ, двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, я обращалъ ваше вниманіе на тѣ самые факты, которые слышатся теперь въ устахъ вашего „англиканскаго друга“. Въ отвѣтъ, или вмѣсто всякаго отвѣта, вы сказали мнѣ только, что они уже извѣстны. Изъ этихъ словъ вашихъ я заключилъ, что они приведены и изложены мною правильно. Но если такъ, то можно ли не вывести и другаго заключенія, а именно, что римская церковь, въ продолженіи 1,000

лѣтъ, употребляла не Символь Церкви, а символъ Короны? *Этимъ самымъ* я не хочу еще сказать, что она употребляла не православный символъ Вѣры. О богословскомъ вопросѣ, который внесенъ въ этотъ символъ Короны, я не иначе могу говорить, какъ съ должнымъ благоговѣніемъ; покуда для насъ довольно и того, что, какъ мы видѣли, прибавленіе, составляющее его отличительную черту, сдѣлаво было и введено въ употребленіе прежде — и именно нѣскольکو столѣтій — прежде, чѣмъ папа нашелъ его позволительнымъ, не говорю уже необходимымъ, прежде — и тоже нѣскольکو столѣтій — прежде, чѣмъ богословы на Западѣ согласились между собою относительно значенія словъ „Missio“ и „Processio“. Со временемъ, безспорно, явились и ловкіе защитники этой прибавки, но среди ихъ не найдется и двухъ, которые одинаково объясняли бы ее, въ историческомъ ли то, или въ догматическомъ отношеніи; а нѣкоторые изъ нихъ не только не соглашались съ другими, но и сами себя противорѣчатъ. Иные, наконецъ, отставая ее противъ Восточныхъ, тяжко извратили факты: изъ приведенныхъ ими мѣстъ изъ Отцевъ оказалось безчисленное множество такихъ, которыя или подложны или прямо вставлены. Ни прежде не было, ни теперь нѣтъ во всей исторіи религіозныхъ препирательствъ ничего тому подобнаго. Если такъ называемый Ананасіевъ символъ вѣры не нарочито составленъ въ видахъ этого препирательства, то во всякомъ случаѣ онъ въ первый разъ былъ употребленъ въ этомъ препирательствѣ, какъ полемическое орудіе. Во Флоренціи, гдѣ въ первый разъ формально занялись всѣмъ этимъ вопросомъ, число подложныхъ мѣстъ, приведенныхъ съ латинской стороны, представляетъ собою по-

разительно — тяжелый контрастъ съ числомъ подобныхъ мѣстъ, приведенныхъ съ греческой стороны: въ послѣднихъ даже новѣйшая критика не могла открыть ни малѣйшей погрѣшности. Въ самомъ флорентинскомъ опредѣленіи есть одна оговорка (clausa), сдѣланная въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мы опредѣляемъ, что эти объяснительныя слова — „и отъ Сына“ — законно и не безъ основанія прибавлены къ Символу Вѣры, а именно съ цѣлію объяснить истину, чего необходимо требовали тогдашнія обстоятельства“. Исторія же говоритъ, что этой оговорки настоятельно требовалъ папа, лично присутствовавшій и предсѣдательствовавшій на соборѣ, и что тому столь же настоятельно противились Восточные, и уступили только подъ тѣмъ условіемъ, что эта оговорка не будетъ имѣть никакого предосудительнаго отношенія къ Символу Вѣры въ томъ его видѣ, какъ они его читаютъ. Что все это значить, мы впоследствии увидимъ. Допустите ее въ историческомъ смыслѣ: тогда необходимо будетъ заключить, что эти слова — „и отъ Сына“ — „законно и не безъ основанія были прибавлены къ Символу Вѣры“ безъ всякаго совѣщанія съ Римомъ или, иначе, за двѣсти лѣтъ до совѣщанія съ нимъ, или, еще иначе, за четыреста лѣтъ до принятія ихъ Римомъ. Допустите эту вставку въ догматическомъ смыслѣ: и тогда что выйдетъ? Опираясь на опредѣленіе четвертаго, пятаго и шестаго соборовъ, я утверждаю, что ясно-раздѣльное ученіе Символа Вѣры о Троицѣ, въ прежнемъ его видѣ, т. е. безъ прибавленія словъ — „и отъ Сына“, совершенно. Это одно заставляетъ меня, *per implicationem*, отрицать все то, что заключается въ вышеприведенной оговоркѣ: ибо, повторяю я, какъ можетъ ясно-раздѣльное ученіе, най-

дешное на соборахъ *совершеннымъ*, допускать какое-либо дальнѣйшее объясненіе? Я долженъ заключать противное тому; или иначе, чтобы оставить какое-либо догматическое значеніе за флорентинской оговоркой, мнѣ придется укрываться отъ прямого ея смысла какими-либо изворотливыми, лукавыми путями, или, наконецъ, снова обратиться къ исторіи этой оговорки. Св. Антонинъ, бывшій впоследствии архіепископомъ флорентинскимъ, великій канонистъ, одинъ изъ присутствовавшихъ на Флор. соборѣ, такъ эмфатически говорить о прибавленіи словъ — „и отъ Сына“: „навѣрное, и думать нельзя иначе, эти слова были прибавлены или какимъ-либо папой или какимъ-либо соборомъ; ибо кто иначе могъ бы взять на себя прибавить ихъ? Хотя вовсе неизвѣстно, какимъ папой или какимъ соборомъ“ (1). Почти и сомнѣваться нельзя, что флорентинская оговорка сдѣлана на основаніи этого предположенія и слѣд. такъ и должно на нее смотрѣть, теперь, когда факты уже извѣстны. Св. Антонинъ, навѣрное, не думалъ, что мы будемъ вѣрить тому, чего мы сами не признаемъ за фактъ. Остальная часть опредѣленія, какъ ни хороша сама въ себѣ, въ самой вещи вовсе не касается главнаго пункта. То есть, въ ней объяснены и гармонически сопоставлены тѣ доводы грековъ и латинянъ, коими они защищали свои особенности и примиряли разность взглядовъ, со времени раздѣленія; но ни слова не сказано о томъ, въ чемъ заключалось ученіе всей Церкви, прежде чѣмъ началось это раздѣленіе; тогда какъ соборы, напротивъ, одинъ за другимъ, каждый разъ утверждали, что ясно—раз-

(1) Chron. P. M. tit. III, c. 13, § 13.

дѣльное ученіе Символа Вѣры о Святой Троицѣ есть ученіе совершенное. На это-то обстоятельство Маркъ эфесскій и обратилъ вниманіе Флорент. собора самымъ формальнымъ образомъ, а именно прочитавъ Дѣянія тѣхъ соборовъ; все однакожь опредѣленіе осталось тѣмъ, чѣмъ мы теперь его находимъ. Въ немъ не только не обозначено то отношеніе, которое должны имѣть или имѣли одна къ другой эти двѣ формы символа Вѣры,—старая, безъ прибавленія, и новая, съ прибавленіемъ, но, къ удивленію англійскихъ посланниковъ, прибывшихъ на соборъ, вовсе даже не упомянуто о какомъ бы то ни было символѣ Вѣры. Не сказано, тождественны онѣ или нѣтъ, да не сказано и въ чемъ ихъ разность, и, наконецъ, не сдѣлано нималѣйшихъ замѣчаній касательно ихъ употребленія. Не возбранено употребленіе стараго Символа Вѣры, да не предписано употребленіе и новаго. Въ заключеніе, какъ бы для того, чтобы остался особенный отпечатокъ на всемъ дѣлѣ,—чтобы союзъ между Символомъ Церкви и символомъ Коровы получилъ особенный типическій характеръ, къ опредѣленію Вѣры рядомъ (*side by side*) подписались и императоръ и папа,—а это такая диковинка (*prodigy*), подобной которой не находимъ въ лѣтописяхъ Вселенскихъ Соборовъ.

Итакъ, милордъ, передъ лицомъ этихъ фактовъ, я прихожу къ слѣдующему неизбѣжному заключенію, а именно: что Римъ, погрѣшнѣйшій или не погрѣшнѣйшій въ дѣлахъ самой Вѣры, какъ нельзя больше показалъ и показалъ намъ, въ продолженіи послѣдней тысячи лѣтъ, что онъ можетъ быть самымъ нерадивымъ, дерзкимъ, вѣроломнымъ, своекорыстнымъ, лицемернымъ вождемъ для другихъ, даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ

Христ. Чт. № 6. 61

о Вѣрѣ. Таково, во всякомъ случаѣ, было поведеніе его въ отношеніи къ Символу Церкви; каждымъ изъ этихъ прилагательныхъ вѣрно описывается его характеръ въ данный періодъ времени: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже онъ. Худое предзнаменованіе для ищущихъ воссоединенія христіанства на генеральномъ соборѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ папа! Соборъ Флорентинскій, бывшій при Евгеніѣ IV, есть единственный соборъ, на которомъ папа присутствовалъ лично, есть единственный соборъ, который исключительно имѣлъ въ виду восстановленіе единства Церкви,—по крайней мѣрѣ такъ выражался папа: и чтожь? изъ всѣхъ соборовъ, какіе когда-либо были собираемы, ни одного не было такого, на которомъ бы столь поразительную и безобразную играли роль лицемеріе, двуличность и свѣтскія побужденія! Если бы мѣсто позволило, то можно бы было рассказать, какъ Базельскій соборъ перехитрили, какъ указали на Флоренцію,—какъ на мѣсто, куда грекамъ надлежало отправиться, какъ галеры папы опереживали галеры соборныя, какъ перевезли грековъ изъ Константинополя и съ торжествомъ ввели въ городъ центральной Италіи, гдѣ папа былъ такъ всемогущъ, какъ съ ними поступали тамъ, и почему впоследствии перевели ихъ во Флоренцію; во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ открылся бы предъ нами цѣлый рядъ интригъ, и интригъ самыхъ низкихъ: но, къ несчастію, онѣ такъ явны были во все время засѣданій соборныхъ, что нѣтъ мѣста и наималѣйшему въ томъ сомнѣнію. Между Іоанномъ Палеологомъ и Евгеніемъ, просто-на-просто, съ перваго дня и до послѣдняго, происходила мѣновая торговля мірскими и духовными корыстами. Одинъ имѣлъ въ виду оградить свою столицу отъ непріятельскихъ

нападеній, а другой утвердить свое положеніе въ Ита-
ліи. Евгений надѣялся, при посредствѣ Палеолога, вос-
торжествовать надъ базильскими отцами, а Палеологъ,
при посредствѣ Евгенія, надъ турками. Чѣмъ больше
папа обѣщалъ матросовъ и солдатъ, тѣмъ большую
обѣщалъ императоръ готовность со стороны своихъ
епископовъ къ принятію ученія латинской церкви. Три
кардинала торжественно дали знать императору, ка-
кого пособія онъ можетъ ожидать отъ папы, въ слу-
чаѣ, если состоится воссоединеніе церквей, и доносили
о томъ въ ту самую минуту, какъ, по внушенію его,
всѣ его епископы, кромѣ одного, изъявили свое согла-
сіе на унію. Для перевозки ихъ обратно обѣщаны были
и корабли и деньги, да сказано притомъ, что „триста
солдатъ будутъ содержаться на счетъ папы для охране-
нія ихъ столицы“. Равно на счетъ же папы положено
было „содержать двѣ галеры для береговой стражи“. Если
императору понадобятся военные корабли, то папа „го-
товъ будетъ выслать ему не менѣе двадцати, и ста-
нетъ содержать ихъ на свой счетъ въ продолженіе ше-
сти мѣсяцевъ“. Въ случаѣ же Императоръ будетъ нуж-
даться въ помощи на сушѣ, папа, „во имя Христова,
все возможное сдѣластъ для того, чтобы подвигнуть
христіанскіе народы на помощь ему“. Когда дѣло уніи
приходило къ концу, императоръ сказалъ: „время по-
думать п о нашемъ отиравленіи“. Папа отвѣчалъ: „я
уже сдѣлалъ, что нужно; мое дѣло озаботиться этимъ.
Я заблаговременно послалъ капитана приготовить ко-
рабли, и, если что еще понадобится, я велю тотчасъ
же изготовить; а между тѣмъ возьмите отъ меня эту
бумагу, и, когда прочитаете ее, дайте мнѣ вашъ от-
вѣтъ“. *То было опредѣленіе, ужь, конечно, не въ томъ*

видѣ, въ которомъ оно прошло: но вѣдь тутъ въ перспективѣ были корабли и деньги. Таковы-то были предварительные переговоры, въ видахъ взаимной деклараціи двухъ церквей относительно исхожденія Святаго Духа, буквально заимствованные мною изъ Дѣяній собора. Сознаться ли предъ вами, Милордъ? У меня кровь стынетъ (curdles) въ жилахъ, когда я пишу подобныя строки: но это еще далеко не все. Что говорить исторія объ этомъ Евгеніѣ, объ этомъ единственномъ папѣ, который лично предсѣдательствовалъ на генеральномъ соборѣ? Что говорить она объ общемъ его характерѣ, — о его святой ревности въ тѣ часы и дни, когда соборъ засѣдалъ ради воссоединенія христіанства, или когда, по окончаніи его, дѣло шло о взаимномъ примиреніи? Естественно было бы ожидать, что его присутствіе и примѣръ окажутъ такое благотворное вліяніе на соборъ, какого никакому другому собору не дано было испытать надъ собою. „Евгеній“, пишетъ самый пристрастный изъ его біографовъ, а именно Сіасопіусъ, считался однимъ изъ тѣхъ, которые любятъ держать свое слово, если же не держалъ его, то это въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ, что лучше отказаться отъ него, чѣмъ сдержать его“. Все то время, какъ Евгеній, по видимому, изъ всѣхъ силъ своихъ домогался уніи во Флоренціи, онъ обмѣнивался гнѣвными цензурами и отлученіями съ Базельскимъ соборомъ. „Увы“, воскликнулъ великій архіепископъ Палермскій, впоследствии одинъ изъ его собственныхъ кардиналовъ, „что за унія выйдетъ, если она уже въ самомъ началѣ грозитъ такимъ раздоромъ и скандаломъ латинской церкви?“ Никогда подобныя предчувствія не оправдавались такъ вѣрно событіями, какъ предчувствіе это с архіе-

пископа. Блондь (Blondus), секретарь папы, просто ужасался при видѣ тѣхъ огромныхъ суммъ, которые потрачены папою на примиреніе высокихъ сановниковъ или скудныхъ прелатовъ греческаго императора,—потрачены, какъ говоритъ Блондь, *на подарки*, а по выраженію Сиропула, *на подкупъ*, и на содержаніе его арміи, требовавшей *не меньшихъ расходовъ*. Во главѣ этой арміи, замѣтимъ здѣсь, былъ Іоаннь Вителлій Vitelleschi, флорентинскій кардиналъ и латинскій патріархъ Александріи: борьба шла съ Николаемъ Piccino, съ Филиппомъ Миланскимъ или Francis Sforza, мелкими предводителями нѣкоторыхъ крамольныхъ партій. Таковы-то были интересы, для которыхъ папа находилъ время, и таковы-то были министры, которымъ онъ ввѣрялъ ихъ охраненіе,—и все это во время засѣданій Флорентинскаго собора! Еще до окончанія собора, Vitelleschi былъ вдругъ схваченъ и, по приказанію папы, преданъ смертной казни, безъ всякаго суда. „Таково-то непостоянство, и таковы-то перемѣны въ человѣческихъ дѣлахъ“, говоритъ біографъ кардинала, что тотъ, съ которымъ обращаются сегодня съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ, за два дня предъ симъ отдавалъ всѣмъ приказанія, и всѣмъ располагалъ по своему произволу, всѣмъ, что есть въ вѣдомствѣ или во владѣніяхъ церкви; управлялъ Римомъ, римскою областью, герцогствомъ, кампаніей, побережьемъ и всѣмъ, всѣмъ, что когда-либо принадлежало церкви“. Посмотримъ, кто сдѣлался его преемникомъ. А вотъ кто: Louis, архіепископъ Флоренціи,—того самаго города, гдѣ еще засѣдалъ соборъ,—патріархъ Аквилей, *сдѣланный кардиналомъ*, какъ о томъ нарочито замѣчено, не за какую-либо услугу, оказанную имъ на со-

боръ, но за то, что онъ, въ сраженіи съ Николаемъ Ріссіпіно, взялъ надъ симъ послѣднимъ верхъ. „Онъ“, говоритъ его біографъ, „такую заслужилъ любовь Евгенія своею военною храбростію, что сдѣлался первымъ епископомъ Далматіи, потомъ архіепископомъ Флоренціи, наконецъ патріархомъ Далматіи: то былъ первый изъ Венеціанъ, которому дана была эта кафедра“. Евгенийъ, природный венеціанецъ, любилъ своихъ земляковъ, и когда изъ нихъ выходили хорошіе воины,—только увы! не воины Христовы,—онъ относился къ нимъ съ чрезвычайною любовію (love). Такъ и теперь папскаго одnogородца ожидало новое высшее отличіе—сдѣлаться патріархомъ Аквилей, въ качествѣ главнокомандующаго папской арміей: и тутъ однакоже первою мыслию новаго патріарха аквилейскаго, при вступленіи его въ сіе званіе, было не то, чтобы напомнить Евгению о его обѣщаніи, данномъ имъ греческому императору, помочь ему противу турокъ, нѣтъ, первою его мыслию было—втянуть папу во вражду съ его собственнымъ соперникомъ по разнымъ приключеніямъ, Францискомъ Sforza. Дѣйствительно, съ этого времени Евгенийъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ своего главнокомандующаго, архіепископа, всѣ свои силы сталъ напрягать на то, какъ бы сокрушить Сфорзу, продолжая, между тѣмъ, писать въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, въ Константинополь, къ Константину Палеологу, брату и наследнику Іоанна, что только небрежность императора въ выполненіи условій уніи, а не другое что-либо, заставила его замедлить исполненіемъ обѣщаннаго. Греки согласились на флорентинское опредѣленіе, и оставили Флоренцію въ той мысли, что они останутся при своемъ собственномъ символѣ и своемъ собственномъ обрядѣ;

Евгеній же только тогда изволилъ подумать объ обѣщанной имъ помощи грекамъ, когда успѣла пронестись молва въ Европѣ, будто греки обѣщались *сообразоваться съ римскимъ обрядомъ*, какъ самъ выразился Евгеній; и тутъ, однакоже, Венгрія, а не Константинополь, была главнымъ образомъ въ его мысли.

И такъ вотъ каково было, по свидѣтельству исторіи, поведеніе того единственнаго папы, которому довелось быть во главѣ собора, и на томъ единственномъ соборѣ, который исключительно былъ собранъ для воссоединенія христіанства! — И въ продолженіе всего того времени, какъ онъ, въ семь качествъ, засѣдалъ и дѣйствовалъ! Теперь, какое же ручательство имѣемъ мы, Милордъ, или какое можемъ имѣть, что подобное поведеніе снова не повторится предъ нами, пока прежняя система будетъ оставаться,—и оставаться во всей своей силѣ? Личная святость царствующаго Понтифекса на время можетъ служить намъ нѣкоторымъ обезпеченіемъ, но вѣдь это обезпеченіе можетъ завтра же сокрыться въ гробъ; къ тому же, противъ этого временнаго обезпеченія, какъ оно ни велико, имѣется та неумирающая система, которая всегда оказывалась безмѣрно сильнѣе всякаго папы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло шло объ ея интересахъ. Не столько ли же надо заботиться и о папскихъ зуавахъ, какъ и о епископахъ, и не столько ли же надо препираться и за папскую территорію, какъ и за догматъ? Или мы не читали про *самаю* Пія IX, что онъ съ особенною заботливостію велъ переговоры съ протестантскимъ Premier о снабженіи своей стражи 7,000 или 8,000 ружей легкаго калибра, которыя онъ находилъ необходимо нужными, но за которыя самъ не могъ заплатить, а „у Неаполя, Турина

или Австріи⁴, именно въ это время, не хотѣлъ ихъ просить (1)? Никто не будетъ спорить, что многими своими добродѣтелями папа обязанъ этой системѣ; исторія показываетъ, что и Евгенийъ въ большей части случаевъ не могъ бы такъ дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ, если бы не было этой системы. Вотъ почему всѣмъ кто молится о возсоединеніи христіанства, и именно въ корпоративномъ смыслѣ, какъ можно ближе должно всматриваться въ Евгенія, бывшаго во главѣ Флорентинскаго собора. Смотрите же на его дѣянія въ томъ практическомъ свѣтѣ, въ которомъ только и желаютъ смотрѣть современники наши. Есть ли хоть малѣйшая польза отъ того, что онъ присутствовалъ на соборѣ? Отстранялъ ли онъ своимъ присутствіемъ лицемеріе, хитрость, пронырство и всякаго рода свѣтскія интриги? Онъ просто тамъ царствовали. Мало того: присутствіе его тамъ не было ли первою причиною того, что онъ царствовали, въ смущенію всѣхъ добрыхъ и ученыхъ людей съ той и другой стороны? Напрасно они молились и трудились подъ водительствомъ такой главы. Наконецъ, присутствіе его было ли хотя отрицательнымъ огражденіемъ отъ заблужденія? Да, быть можетъ; но и того положительно нельзя утверждать; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока предложеніе, внесенное по его настоянію въ опредѣленіе, не будетъ примирено съ исторіей, или съ прежнимъ догматомъ. Такимъ-то образомъ главный пунктъ въ этомъ препирательствѣ вовсе остался необъясненнымъ, хотя семь сотъ лѣтъ онъ ожидалъ себѣ рѣшенія. То возбраняла политика, столь же старая, какъ и само препирательство.

(1) Guizot's Last Days of Louis Philippe, p. 321.

Отъ вопросовъ вѣры я перейду къ вопросамъ о нравственности, — потому что Римъ объявляетъ свою непогрѣшимость и въ томъ и въ другомъ случаѣ, — и еще разъ ограничу мой разборъ послѣднимъ тысячелѣтнимъ существованіемъ Рима, какъ практическаго руководителя въ нравственной области. Какъ же онъ поступалъ съ обязанностями въ отношеніи къ человѣку, — съ этимъ „*Suum ſpicue*“ въ сферѣ политическаго правосудія? Въ отвѣтъ на сей вопросъ отчасти намъ можетъ помочь и то, что уже мы слышали отъ св. Бернарда. „Аббаты изъяты отъ епископовъ, епископы отъ архіепископовъ, архіепископы отъ примасовъ или патріарховъ. Можетъ ли это быть хорошо въ теоріи? Можетъ ли это быть извинено на практикѣ? Можете ли вы какъ либо думать, что законно для васъ разчленять церковь, разстроивать порядокъ, расторгать предѣлы, положенные имъ вашими отцами?“ Десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я далеко не такъ понималъ эти слова. Я смотрѣлъ тогда на св. Бернарда и всѣхъ другихъ, въ его тонѣ, выражавшихъ свои жалобы, во времена среднихъ вѣковъ, какъ на людей, если не прямо, то косвенно отвѣчающихъ за то зло, которое они обличали, потому что, думалось мнѣ, или они сами или ихъ отцы добровольно согласились на ту систему, изъ которой истекало зло. Такая система, казалось мнѣ, не могла бы разростись или насильно усвоить себѣ власть, безъ ихъ содѣйствія или согласія. Вѣдь нельзя же сказать, что папство силою оружія завоевало средне-вѣковую Европу. Оно пустило корень потому, что нашлась сродная ему почва: вкусили плодовъ его, и они пришли по вкусу. Когда оно оказалось благотворнымъ политическому вообще тѣлу, или еще несравненно лучше все-

го того, что представлялось тогда глазамъ, естественно оно и встрѣтило общее одобреніе. Безъ сомнѣнія, оно имѣло свои злоупотребленія: и вотъ честь всѣмъ защитникамъ его, обличающимъ, въ то же время, честно его злоупотребленія! Все однакожь, и тогда, читая ихъ обличенія, я не могъ по доброй совѣсти закрыть отъ глазъ своихъ тотъ фактъ, что они крѣпко держались той системы, подъ вліяніемъ которой жили, были сторонниками или, какъ говорятъ, партизанами ея на практикѣ, и никогда и въ мысли не имѣли смѣнить ее какой либо другою системою, показывая и доказывая тѣмъ, что она находила въ нихъ, за исключеніемъ злоупотребленій, полное содѣйствіе. Равно я припоминалъ себѣ и то, что и среди насъ много такихъ, которые краснорѣчиво могутъ говорить о злоупотребленіяхъ парламентской формы правленія, и зловѣщимъ тономъ указывать на всемогущество палаты депутатовъ, вовсе не думая притомъ утверждать, что какая либо изъ конституціонныхъ реформъ сдѣлана незаконно, и вовсе не желая возстановить то, что было во время тюдоровъ или плантагенетовъ.

Послѣдовавшія за тѣмъ изслѣдованія показали мнѣ, что это объясненіе односторонне. Теперь я вижу, тутъ имѣлся въ виду западъ или какъ всецѣлая Церковь, или, по крайней мѣрѣ, какъ церковь, властная измѣнить дисциплину всей Церкви по своему произволу, или въ угоду своимъ воззрѣніямъ на дѣло или въ видахъ общаго блага. Св. Бернардь, упоминая о патриархахъ, очевидно, ходилъ за своими фактами далѣе предѣловъ запада. Посему-то слова его — „можете ли вы какъ либо думать, что законно для васъ *разчленять* церковь, разстроивать порядокъ, расторгать предѣлы,

положенные имъ отцами вашими⁴—имѣють болѣе глубокой и широкой смыслъ, чѣмъ я усволялъ имъ прежде. Онъ предъявилъ на судъ такое дѣло, съ которымъ я, по слуху, давно былъ знакомъ, только давалъ ему другой толкъ. Западъ полное имѣлъ право измѣнить свою собственную церковную политику (politicu), на столько, на сколько позволяла ему это конституція цѣлой Церкви. Но западъ вовсе не имѣлъ права, законодательствуя для себя, вводить что либо новое вопреки существующимъ и неотмѣнно существующимъ уставамъ или постановленіямъ всей Церкви. Именно такъ возсталъ противъ англійской церкви покойный архидіакоуъ Вильберфорсъ, и я въ то время былъ совершенно на его сторонѣ, и считалъ его возраженія неопровержимыми. Принимая теперь показанія св. Бернарда, какъ показанія вѣрныя до нельзя, вѣрныя до точки, какъ я могъ не сказать, что церковь римская гораздо больше въ семъ отношеніи погрѣшила, чѣмъ церковь англійская,—гораздо больше, потому самому, что, имѣя притязанія на исполнительную власть во всей Церкви, она первая прежде всѣхъ должна бы была озаботиться охраненіемъ существующихъ статутовъ Церкви, и ужь конечно менѣе и послѣ всѣхъ думать объ ихъ устраниеніи? Вопросъ оставался, какъ она взялась за это дѣло? Само собою разумѣется, св. Бернардъ не могъ бы тутъ отвѣчать. Англійская церковь, для достиженія своихъ цѣлей, воспользовалась Реформаціей,—и слѣдствіемъ того была схизма между ею и Римомъ. Теперь я сталъ спрашивать, на сколько поведеніе Рима въ семъ отношеніи содѣйствовало къ ускорѣнію первой схизмы между востокомъ и западомъ, и долженъ сказать—исторія отвѣтила мнѣ съ удвоенною ясностію и съ удвоенною

строгостию и непреклонностию, противъ того, какъ она отвѣчала миѣ относительно дѣла по Символу Вѣры. Безъ малѣйшаго колебанія или коснѣнія исторія возвѣстила, что Римъ поднялся на ту высоту, которую онъ занималъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, въ періодъ своего зенита, и съ которой, по волѣ провидѣнія Божія, стала съ тѣхъ поръ постепенно, но вѣрно низпадать, — самымъ неправеднымъ образомъ, *относительно Церкви*, я разумѣю, всей Церкви, — а именно коварствомъ и силою, оружіемъ слабого и оружіемъ сильнаго, то тѣмъ, то другимъ, то обоими вмѣстѣ, употребляя эти средства, въ видѣ законныхъ средствъ, единственно для распространенія собственной своей власти, къ разчлененію и гибели всей Церкви вообще. Самыми паразитическими образчиками этого рода дѣйствованія служатъ „псевдо-декреталии“, съ ихъ, разумѣется, „Pseudo-Donatio“, и крестовые походы. При помощи этихъ средствъ, епископъ Рима домогался сдѣлаться патриархомъ всей Церкви и быть въ то же время папою. О каждомъ изъ этихъ пунктовъ надо будетъ нѣчто сказать отдѣльно.

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Е.И. Попов

Письмо к архиепископу Маннингу

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 7. С. 63-95.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ПИСЬМО

КЪ АРХИЕПИСКОПУ МАННИНГУ (Р. Кат.)

Фредука С. Фаукса (Ffoulkes), В. D., автора сочиненія подъ заглавіемъ: «Christendom's Divisions».

(ОКОНЧАНИЕ) (1)

I. Сколько мнѣ извѣстно, еще не открыли положительнаго доказательства, что псевдо-декреталии и pseudo-donatio выработаны въ Римѣ, или по приказанію Рима; тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность падаетъ на него, какъ еслибы дѣйствительно учинилъ онъ и то и другое. Цѣль ихъ была—выразить, сколько возможно полнѣе, формальное ученіе прежнихъ понтификсовъ. Слѣдовательно, Римъ въ самомъ началѣ долженъ былъ знать, или въ самомъ началѣ могъ разузнать, откуда онѣ вышли, — изъ его архивовъ или нѣтъ; все, однакожь, онѣ нарочито уклонялся отъ всякаго изслѣдованія, и нарочито хранилъ молчаніе. Для него было довольно того, что вообще стали вѣрить въ подлинность ихъ, что онѣ содѣйствовали къ возвеличенію его, и съ рѣ-

(1) См. Хр. Чт. № 5 и 6 1869 г.

шительнымъ эффектомъ могли быть употребляемы противъ тѣхъ, которые ихъ оспоривали. Онъ ни мало не заботился о томъ, что между ними и общепризнанными канонами всей Церкви, которые онъ долженъ былъ охранять во всей ихъ силѣ, находилось самое осязательное противорѣчіе. Такъ какъ именно отъ этого пункта отъигрывались (*eluded*) апологеты ложныхъ декреталій, то намъ нужно, съ нѣкоторою подробностію, разобрать все это дѣло.

Что такъ называемый „Кодексъ Вселенской Церкви“ существовалъ въ видѣ коллекціи, во время Четвертаго Собора, то положительно доказано Юстелломъ и другими, и доказано именно тѣмъ, что тамъ ссылались *на книгу* канонѡвъ въ девятомъ и одиннадцатомъ Дѣянїяхъ, и дѣйствительно приводили 83-й, 84-й, 95-й и 96-й каноны, согласно съ той самой нумераціей, въ которой они и теперь стоятъ. По той же самой причинѣ именно эта, а не другая какая-либо коллекція авторитетно была утверждена первымъ канонѡмъ того же Собора въ слѣдующихъ выраженїяхъ: „Мы находимъ нужнымъ и справедливымъ, чтобы каноны святыхъ отцевъ, поставленные ими на всѣхъ Соборахъ, по настоящее время оставались въ полной своей силѣ“ (1). Къ этимъ канонамъ Соборъ, въ послѣдствїи, присовокупилъ свой собственный; и всѣ они, до 28 канона, прошли единогласно (а этотъ я опускаю на томъ основанїи, что онъ не былъ утвержденъ Римѡмъ; древнее же правило говорить, какъ мы читаемъ у Сократа, Созомена и Феодорита, — а это все греки, — что никакіе каноны не могли проходить безъ согласїя папы). Итакъ, кодексъ Вселенской Церкви

(1) Авторъ пользуется переводомъ г. Джонсона: *Vade mesum*, vol. II, p. 41 et seq.

до этого 28-го канона—Халкидонскаго, безспорно доселѣ имѣеть всю свою обязательную силу для всей Церкви, и всегда имѣлъ ее, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ, быть можетъ, онъ видоизмѣнялся законодательною властію одинаковаго съ прежнимъ авторитета. И вотъ въ этомъ кодексѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминенія о кафедрѣ Рима, какъ о верховной власти, или даже какъ о послѣднемъ апелляціонномъ судилищѣ, хотя первенство его вездѣ подразумѣвается *impliciter*. Отъ того-то, когда дѣло объ его апелляціонной юрисдикціи дошло до предстоятелей Африканской Церкви въ V вѣкѣ, среди которыхъ былъ св. Августинъ, то, по надлежащемъ обсужденіи его,—о чемъ было донесено ими и папѣ, они нашли, что „никейскія опредѣленія просто и ясно предоставили и вижшее духовенство и самыхъ епископовъ ихъ собственнымъ митрополитамъ, мудро и справедливо положивъ, что все должно быть рѣшаемо на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ что произошло; ибо благодать Св. Духа никогда не оскудѣетъ въ той или другой области; при помощи ея правда дѣла разумно можетъ быть раскрываема и постоянно сохраняема служителями Христовыми, особенно когда каждому дано, если онъ не доволенъ рѣшеніемъ своихъ судей, обращаться съ апелляціей къ областному, или, если то нужно будетъ, вселенскому собору“. Африканскіе епископы ограничиваютъ свои замѣчанія никейскими канонами, не находя надобности при данныхъ обстоятельствахъ, входить въ дальнѣйшія изысканія; но всякій, кто только изучалъ остальные законы, заключающіеся въ семъ кодексѣ, не можетъ не согласиться, что его опредѣленія, относительно апелляцій, обозначены и ясно и полно. Правда, съ тѣхъ поръ приняты были и на востокѣ также, какъ

на западъ, сардикійскіе каноны, (неизвѣстные тогда африканской церкви) уполномочивающіе епископовъ въ крайнихъ случаяхъ—и только епископовъ,—обращаться съ апелляціей къ папѣ: но при семъ должно всегда помнить, что имъ долженъ быть противопоставляемъ 9-й канонъ четвертаго собора, и слѣдов. канонъ того кодекса, который обязательенъ для Рима, канонъ, гласящій такъ:

„Если кто либо изъ епископовъ или изъ духовныхъ будетъ имѣть преирателство съ своимъ митрополитомъ, то пусть они обращаются съ апелляціей къ экзарху ихъ епархіи, или же къ престолу константинопольскому, и тамъ пусть дѣло ихъ обсуждается“ (1). Слѣд. большее число лицъ уполномочивается въ семъ кодексѣ обращаться къ престолу константинопольскому, чѣмъ въ самыхъ сардикійскихъ канонахъ къ Риму. А за исключеніемъ этого единственнаго апелляціоннаго случая, юрисдикція во всѣхъ отрасляхъ положительно и строго—положительно ограничивается мѣстными предѣлами, существовавшими тогда, и не имѣетъ права расширяться. На семъ то основаніи Римъ упорно отказывалъ въ своемъ согласіи на 28 халкидонскій канонъ. 2-й константинопольскій канонъ до сего дня остается свидѣтельствомъ противу того престола, въ пользу коего составленъ 28-й халкидонскій: „Епископы да не исходятъ изъ своихъ епархій къ церквамъ, сущимъ внѣ ихъ предѣловъ: но епископъ александрійскій, согласно съ канономъ, да управляетъ дѣлами Египта, а епископы востока дѣлами востока только, съ соблюденіемъ древнихъ привилегій антиохійской церкви, упоминаемыхъ въ никейскихъ канонахъ... И да не исходятъ епископы изъ сво-

(1) 17-й канонъ имѣетъ ту же силу.

ихъ епархій ради рукоположенія, или ради другаго ка-кого либо служенія, если они къ тому не приглашаются. А изъ вышеприведеннаго канона, который предписанъ для соблюденія относительно епархій, очевидно, что областный синодъ имѣеть завѣдывать каждою областію, какъ то опредѣлено въ Никее. Церкви, сущія среди варваровъ, да управляются согласно съ обычаями, которые господствовали во времена ихъ предшественниковъ, „with their ancestors“.

Этотъ канонъ былъ составленъ по поводу неправильныхъ поступковъ со стороны александрійскаго патріарха; можно сказать, въ немъ заключается духъ всего кодекса. Другой канонъ, 8-й Эфесскій, составленный по поводу покушеній патріарха антиохійскаго на независимость Кипра, не менѣе замѣчательенъ и гласить такъ: — „вашъ собратъ—епископъ Reginus, возлюбленный Богомъ, и Зенонъ и Эвагрій, благочестивѣйшіе епископы области Кипрской, открыто объявили нововведеніе, противное церковнымъ законамъ и канонамъ святыхъ Отцевъ, такое нововведеніе, которое *касается свободы вслѣд...*

Посему святыи вселенскій (General) соборъ опредѣлилъ, чтобы права всякой области, изначала принадлежащія ей, ясно и ненарушимо сохранялись, и чтобы древній обычай преобладалъ: каждый митрополитъ имѣеть теперь власть хранить въ копіи, ради охраненія себя, все то, что положено (на соборѣ). *Но если кто введетъ какое либо распоряженіе (regulatio), противное настоящему опредѣленію, то распоряженіе это, согласно съ опредѣленіемъ святаго вселенскаго собора, считать не имѣющимъ силы“.*

До такой—то степени отцы третьяго собора были

убѣждены, что гораздо опаснѣе для единства церкви отмѣнить какіе-либо древнія и незапамятныя права, чѣмъ позволить какимъ-либо отдѣльнымъ епископамъ оставаться въ независимости отъ какой-либо высшей церковной власти и быть „autocerphal“.

Отъ этихъ каноновъ я прямо перехожу къ псевдо-декреталіямъ и pseudo-donatio (1), чтобы такимъ образомъ очевиднѣе былъ контрастъ, представляемый ими. Напримѣръ, св. Анаклетъ, въ окружномъ своемъ посланіи къ вѣрнымъ такъ будто бы говорить:— „Въ случаяхъ, когда возникнутъ болѣе затруднительные вопросы, или откроется дѣло особенной важности, или будетъ касаться епископовъ высоко поставленныхъ, пусть сіи послѣдніе съ апелляціей своей обращаются къ Апостольскому престолу; ибо такъ, *по повелѣнію Господа нашего, положили Апостолы*, чтобы всѣ болѣе важныя и болѣе трудныя вопросы были представляемы на рѣшеніе Апостольскаго престола, на которомъ Христосъ основалъ свою Вселенскую Церковь“. И еще: „Апостольскій престолъ, и отнюдь не другой какой-либо, поставленъ Господомъ во главу и правило (hinge—петля) для всѣхъ церквей; и какъ дверь держится на петлѣ, такъ, по распоряженію (disposal) Господа, всѣ церкви держатся на столько, на сколько можетъ соизволять сей святыи престолъ“. Или, какъ Константинъ будто бы сказалъ въ упомянутой Pseudo-donatio: „мы опредѣляемъ и постановляемъ, чтобы римскій престолъ имѣлъ преобладаніе какъ надъ четырьмя главными престолами — александрійскимъ, антиохійскимъ, іерусалимскимъ и константинопольскимъ, такъ и надъ всѣми церквами Божиими на всей землѣ; и чтобы римскій понтифексъ всегда былъ

(1) Migne-Patrol., vol. CXXX.

верховнымъ властителемъ (superior a prince) всего свѣта и, наконецъ, чтобы все необходимое относительно Богослуженія и Вѣры христіанской опредѣлялось его судомъ“.

Есть ли хоть одно слово изъ всего этого, милордъ, въ подлинномъ кодексѣ церкви? И можно ли хоть на минуту остаться въ сомнѣніи, которой изъ этихъ двухъ теорій, юрисдикціи, т. е. теоріи ли псевдо-декреталій или теоріи кодекса папство обязано своимъ развитіемъ? Можно ли хоть на минуту усумниться, что это развитіе совершилось какъ-либо иначе, а не путемъ „росторженія предѣловъ, поставленныхъ отцами“, какъ говорить ов. Бернардъ? Къ числу же этихъ предѣловъ именно относятся тѣ каноны, на которые я обращалъ ваше вниманіе. Если же универсальная юрисдикція, на которую римскій понтифексъ объявлялъ свои притязанія въ средніе вѣка, не основана на авторитетѣ псевдо-декреталій, то зачѣмъ же было такъ часто, постоянно указывать на нихъ, когда дѣло шло о защитѣ этой юрисдикціи? Гдѣ тотъ законъ вселенской церкви, который бы свидѣтельствовалъ о ней или на который она могла бы опираться?

Мѣстные синоды и мѣстныя церкви не могутъ взять на себя предписывать законы для всей Церкви, и еще меньше отмѣнять то, что положено всею Церковію. Конкордаты съ королями, à fortiori, не могутъ ни того, ни другаго дѣлать. Вѣроятное ли дѣло, чтобы папство стало такъ часто ссылаться на эти поддѣлки, ради своихъ притязаній, если бы оно могло указать на лучшіе авторитеты,—на авторитеты ясные, положительныя? Всѣ спорщики съ латинской стороны находятъ въ этихъ поддѣлкахъ (т. е. въ ихъ глазахъ) доводъ

противу грековъ. „Доказать это“, т. е. универсальную юрисдикцію папы, сказалъ аббатъ Варлаамъ, самъ обращенный ими изъ греческой церкви, съ цѣлюю обращаться потомъ и своихъ соотечественниковъ „легко: стоитъ только пересмотрѣть декретныя посланія римскихъ понтифексовъ отъ св. Климента до св. Сильвестра“. На двадцать пятомъ засѣданіи Собора флорентинскаго провинціалу доминиканскому велѣно было обратиться къ грекамъ съ рѣчью о правахъ папы, и въ присутствіи папы. Чтожь? Дважды онъ сослался на псевдо-декреталии св. Анаклета, разъ на суподальное письмо св. Аѳанасія къ Феликсу, и разъ на письмо Юлія къ восточнымъ, т. е. сослался на одни поддѣльные документы. Потомъ, въ отвѣтъ своемъ на возраженія Виссаріона относительно ихъ авторитета (оставляя въ сторонѣ вопросъ о ихъ подлинности), онъ вздумалъ защищать слѣдующаго рода положеніе, а именно: „что *эти декретныя посланія папъ*, какъ посланія соборныя, имѣютъ право на такой же авторитетъ, какъ и самые каноны“. Нужно ли еще показывать и доказывать, сколько вѣсу усвоила имъ латинская сторона? Папы ссылались на нихъ и въ качествѣ папъ и въ качествѣ *privati Doctores*. Левъ IX, напримѣръ, ссылался на *Pseudo-Dopatio* въ много-словномъ своемъ письмѣ, писанномъ имъ самимъ, или отъ его имени, къ Михаилу Керуларію патріарху Константинопольскому, на кавунѣ схизмы; Евгеній IV на псевдо-декреталии св. Александра и Юлія, во время негоціацій объ уврачеваніи этой схизмы, въ своихъ наставленіяхъ армянамъ. Но зачѣмъ мнѣ, милордъ, идти далѣе за доказательствами, когда въ катихизисѣ тридентинскаго Собора, который, въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ, считался авторитетнымъ

учителемъ для самаго духовенства, гласно и властно былъ одобряемъ столь многими папами, не смотря на всѣ эти жалкія поддѣлки, триста лѣтъ ходившія по свѣту, я нахожу слѣдующія слова: (1) „Что до приматства верховнаго понтифика, см. третье посланіе (то есть, ложную декреталію) св. Анаклета!“ Таковъ то на самомъ дѣлѣ, авторитетъ, на который указываютъ духовенству нашего времени, указываютъ *прежде и паче всего*, и указываютъ ради истинныхъ и здравыхъ взглядовъ (views) на приматство! И потомъ, когда все это будетъ усвоено имъ, дадутъ ему обращаться къ новымъ тремъ авторитетамъ, которые всѣ **выбиты** изъ Граціана, и которые, само собою разумеется, онъ толкуетъ согласно съ идеями, предварительно уже имъ усвоенными.

При видѣ такихъ-то доказательствъ и свидѣтельствъ, Милордъ, я рѣшительно не могу не заключить, что любовь къ истинѣ не есть одна изъ тѣхъ характерическихъ чертъ, которою любить отличаться ученіе даже новѣйшей Церкви: скажите, что тутъ думать, когда высшія и сущія въ живыхъ власти равнодушно смотрятъ на неправду возвѣщаемую съ кафедръ, и еще болѣе чѣмъ равнодушно, смотрятъ на фальшивые, ложные документы, приводимые на кафедрахъ въ удостовѣреніе въ какихъ-то фактахъ, и все это уже послѣ того, какъ подлѣгъ положительно открытъ? Ревнуютъ эти власти не мало, не мало; но о чемъ? О томъ, чтобы вѣрили, какъ истинѣ, тому, чему онѣ учатъ, а не о томъ; чтобы ученіе ихъ было согласно съ дѣйствительною истиною: къ самой истинѣ, какъ-то свидѣлствуютъ факты, онѣ нечувствительны, какъ камень. О,

(1) De Ord. Sacram., § 49.

будемъ надѣяться, что эти камни преткновенія будутъ устранены тѣмъ соборомъ, который имѣеть собраться въ Римѣ.

2) Еще нѣсколько словъ о крестовыхъ походахъ, и я заключу. Для меня дѣло рѣшенное ⁽¹⁾, что они окончательно довершили церковное возвеличеніе папства, и довершили силою. Разно судили о нихъ, смотря на нихъ съ разныхъ сторонъ, т. е. смотря на нихъ съ соціальной, политической и церковной точки зрѣнія, и, наконецъ, принимая въ расчетъ то обстоятельство, что въ дѣло крестоносцевъ вмѣшались худые и добрые, и что они, начавъ его энтузіастически, кончили его преступно. Но какъ бы ни смотрѣли на крестовые походы какимъ бы свѣтомъ не освѣщали ихъ, вѣрно только то, что не будь папы, не было бы и крестовыхъ походовъ; и слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ,—къ добру ли, къ худу ли, онъ остается здѣсь единственнымъ отвѣтчикомъ. Впрочемъ и въ соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ, по моему убѣжденію, крестовые походы породили гораздо больше бѣдствій, чѣмъ добра, въ церковномъ же отношеніи, безъ наималѣйшаго сомнѣнія, они причинили столь же много гибели (Ruin) религіи и Церкви Христовой, какъ и турки, и, къ тому еще, въ самый злостный періодъ ихъ существованія. Въ соціальномъ отношеніи, крестоносцы понесли съ собою и слѣдовательно принесли на Востокъ мало религіи или добродѣтели; рыцарство же свое скоро потеряли тѣ изъ нихъ, которые тамъ остались, и потеряли именно въ слѣдствіе тиранніи надъ тѣми, которыхъ они пришли освобождать; тѣ же изъ нихъ, кото-

(1) Авторъ доказалъ это въ своемъ сочиненіи: „Греки и Латиняне“. См. „Дух. Бесѣду“ № 27. 1867. Спб.

рые воротились, просто наводнили Европу своими пороками. Далеко не таковы были *Commodités*, внесенныя въ Европу греками, бѣжавшими сюда, по паденіи Константинополя. Купцы миролюбиво торговавшіе съ Востокомъ, легко могли бы снабдить нашихъ предковъ всѣми, не мнимыми, а дѣйствительными улучшениями (*improvements*), какими будто бы снабдили насъ крестоносцы,—снабдили безъ грѣха и преступленія, или, по крайней мѣрѣ, на половину меньше. Въ политическомъ отношеніи, крестовые походы просто фатальная, роковая ошибка, для человѣчества, оставляя въ сторонѣ истинную религію. Часто дѣлали кредитъ папамъ, будто они спасли Европу отъ Турокъ. Исторія же говорить, что они открыли ту дверь, которою турки вошли въ Европу. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что латиняне гораздо болѣе причинили гибели греческой имперіи, чѣмъ турки. Если бы греческая имперія была предоставлена самой себѣ, или если бы помогли ей честнымъ образомъ, то она до сего дня ограждала бы Европу отъ турокъ, и сохраняла бы въ ней для насъ и цивилизацію, и населеніе, и христіанство. Но въ церковномъ отношеніи, то есть, во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые принадлежать папамъ, какъ главамъ Церкви, я не могу открыть въ крестовыхъ походахъ—отъ перваго до послѣдняго—ни одной черты (*feature*), которою искупалось бы или устранялось зло, причиненное ими. Сочетаніе креста съ мечемъ деморализовало всѣ ордены безъ различія. Подъ вліяніемъ ихъ христіанскіе епископы (1) сдѣлались предводителями армій и кровопрольщиками, вступавшими въ рукопашный бой, съ копьемъ и щитомъ въ рукахъ. Послѣ того, какъ первый взрывъ

(1) Т. е. римско-католическіе.

энтузіазма прошелъ, всё пытались сдѣлать только одво, а именно,—поработить Церкви Востока Риму, совершенно вопреки канонамъ, съ незапамятныхъ временъ и повсюду принятымъ церковію. Восточныхъ престо попирали за то, что они отстаивали свои права, на сколько было возможно,—извергали (ejected) ихъ изъ собственныхъ ихъ церквей, и іерархіи ихъ замѣняли или замѣщали чуждой имъ іерархіей,—и дѣлали то вездѣ, гдѣ только крестопосцы являлись завоевателями. Изъ изслѣдованій покойнаго Сира „Francis Palgrave“ открывается, что они дѣйствительно съ этою цѣлію и въ походъ отправились: нѣкоторыя изъ ихъ писемъ, писанныя ими домой—къ папѣ, который организовалъ (organised) ихъ, во всякомъ случаѣ показываютъ, что эта мысль блеснула имъ тотчасъ же при первомъ успѣхѣ. „Что до турокъ“, говорятъ они, и язычниковъ, то мы одолѣли ихъ; но не можемъ еще одолѣть еретическихъ грековъ, и армянъ, Сиріанъ и Яковитовъ. Приди только къ намъ, и доверши то, что ты началъ съ нами,—и тогда весь свѣтъ покорится тебѣ“⁽¹⁾. И вотъ именно это самое и довершилъ Иннокентій III, при взятіи Константинополя франками и венеціанами. Изъ всѣхъ нарушеній канонѣвъ въ церковной исторіи трудно было найти актъ столь преступный, каковъ былъ актъ этого Иннокентія: онъ посвятилъ на патриаршій константинопольскій престолъ Morosini тогда, какъ его по его же собственнымъ выраженіямъ, „досточтимый собратъ“, Іоаннъ Саматер, былъ законнымъ патриархомъ, былъ въ живыхъ, но насильно былъ изгнанъ, безъ всякаго предварительнаго суда или изслѣдованія. Извиненіемъ Иннокентію (скажутъ) служить то, что

(1) Balug. Miscel. III. 60 ed. Mauri.

онъ вѣрилъ въ подлинность ложныхъ декреталій, и дѣйствовалъ согласно съ примѣрами прежнихъ дней (*precedens*), когда власть сдѣлалась сама собою правомъ. Но его собственныя письма свидѣлствуютъ, что онъ былъ въ постоянной борьбѣ: онъ, по видимому, желалъ уступать то лучшимъ своимъ чувствамъ или расположеніямъ, то внѣшнимъ требованіямъ официального его положенія. Онъ отлучилъ Венеціанъ за то, что они вторглись въ христіанскую территорию: и онъ же впоследствии принималъ ихъ завоеванія, и своими собственными руками посвятилъ того, кого они избрали. Что за положеніе для того, который называетъ себя главою Церкви! Что за положеніе—быть до такой степени связаннымъ свѣтскими узами! Что мы находимъ? Онъ соглашается на опустошеніе огнемъ и мечемъ безконечно большей и наиболѣе цвѣтущей части Церкви!—На опустошеніе ея руками остальной ея части!—вопреки его собственнымъ приказаніямъ! Онъ смотритъ все это время, какъ древніе предѣлы Церкви одинъ за другимъ насильственно расторгаются; и наконецъ, принимая часть добычи, не только себя самага, но и престолъ свой на вѣки отождествляетъ (*identifies*) со всей этой неистовой процедурой! Какое страшное лицемеріе, какое отъявленное нечестіе все это называть крестовыми походами, святою войною, войною предпринятою во имя и ради Животворящаго Креста! Кто можетъ вѣрить въ Бога правды и сомнѣваться, что папство подлежитъ тяжкой отвѣтственности на судъ Его?

Милордъ, есть торжественный (*solemn*) документъ предъ лицомъ свѣта, могу сказать, наиторжественнѣйшій, съ наибольшимъ торжествомъ обращенный ко всѣмъ намъ безъ исключенія, а потому и наименьшій изъ этой

среды не лишентъ права испрашивать себѣ объясненія въ случаѣ, если что окажется въ этомъ документѣ неудобопонятнымъ или выше его разумѣнія. Я ограничу мое прошеніе слѣдующимъ мѣстомъ изъ этого документа: „Всѣмъ извѣстно неутомимое попеченіе, съ которымъ римскіе понтифексы старались охранять залогъ вѣры, благочиніе (*discipline*) духовенства, и воспитаніе его въ святости и въ правотѣ ученія, равно какъ и въ святости и достоинствѣ (*dignity*) брачнаго состоянія (*matrimonial state*); (всѣмъ извѣстно, съ какимъ попеченіемъ) они, все болѣе и болѣе усиленно, заботились о христіанскомъ воспитаніи того и другаго пола, и о всякомъ возможномъ благопоспѣшеніи религіи, благочестію и доброй нравственности; равно съ какимъ попеченіемъ они старались охранять правду, спокойствіе, порядокъ и благоденствіе гражданскаго общества“. Если этотъ документъ понимать *de jure*, какъ декларацію того, что римскіе понтифексы должны были дѣлать во всѣ времена, то это вѣрно, какъ нельзя болѣе; если же смотрѣть на него *de facto*, какъ на декларацію того, что они сдѣлали въ продолженіи послѣдняго тысящелѣтія, то и одной исторіи крестовыхъ походовъ довольно для того, чтобы опредѣлить, до какой степени все это гораздо вѣрнѣе въ противномъ смыслѣ. Нѣтъ нужды въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Теперь, какія же заключенія слѣдуютъ изъ вышеприведенныхъ нами фактовъ? Во первыхъ, что, хотя Римъ, быть можетъ, и не отступалъ отъ вѣры или не заблуждался въ догматическомъ отношеніи, все однакожъ такъ часто на дѣлѣ, — и въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ, легкомысленно относился къ ней по одному извѣстному догмату, что его поведеніе было камнемъ преткновенія для другихъ,

и причиною дѣленія восточной и западной церкви на догматическомъ основаніи. Во вторыхъ, что, позволивъ себѣ первобытный кодексъ церкви тихонько, украдкою замѣнить новымъ кодексомъ, основаннымъ на фальшѣ, на поддѣлкѣ, принявъ его, ктому еще, безъ всякаго испытанія, и насильственно сдѣлавъ его обязательнымъ для другихъ, онъ причинилъ дѣленіе восточной и западной церкви на дисциплинарномъ основаніи, другими словами: это отдѣленіе отъ общенія съ римскою церковію произошло и доселѣ происходитъ въ саѣдствіе ея отъявленной невѣрности и неправосудія въ дѣлѣ церковнаго управленія, какъ по отношенію къ доктринамъ, такъ и по отношенію къ дисциплинамъ.

Не думаю, чтобы противу этого заключенія, въ теоріи, могли возстать даже и „maximisers“ (1). Во всякомъ случаѣ я начну съ той партіи, которую, надѣюсь, безобидно можно назвать „*lign orthodox*“. Въ „обозрѣніи“, какъ видно изъ заглавнаго листа, „*Par les Pers de la compagnie de Jesus*“, и слѣд. въ трудѣ, за содержаніе котораго отвѣчаетъ все это общество, ровно два года назадъ, я слѣдующее прочиталъ относительно ложныхъ декреталій (2). Новая дисциплина, т. е. какъ онъ выше выразился, „*la réforme pseudo-Isidorienne!!!*“ (3) — была конечно хороша“. Писателю этому было бы трудно иначе выразиться, потому что онъ такъ продолжаетъ: — „Принятая папою Николаемъ въ 865 г. и осьмымъ вселенскимъ соборомъ въ 870“ —

(1) „Maximiser и minimiser“, очевидно, отъ „maximum и minimum“ — термины послѣднихъ двухъ трехъ лѣтъ, порожденные здѣшней богословскою полемикой *Церев*.

(2) *Etudes Religieuses*, № 47, p. 392.

(3) Лжеисидоровская реформа.

безъ вѣдома и безъ участія Востока — „утвержденная тридентинскимъ соборомъ въ 1564 г., она уже девять вѣковъ имѣеть значеніе общаго права въ католической церкви. А чтожь и я сказалъ, какъ не тоже самое, а именно, что наша, существующая система обязана своимъ происхожденіемъ ложнымъ декреталіямъ и опирается на нихъ, какъ на свое основаніе? Къ большой чести, однакожь, автора, онъ слѣдующее дѣлаетъ прибавленіе: (1) „но древняя дисциплина была также хороша, потому что, въ продолженіи первыхъ восьми вѣковъ, Церковь не знала другой дисциплины... Новая дисциплина могла быть слѣд. полезна; но она не была необходима. А вотъ что ни оправдать, ни даже извинить невозможно: это — средство, употребленное же-Исидоромъ, для достиженія его цѣлей. Ложь всегда остается зломъ, даже и тогда, когда пользующійся ею, имѣеть въ виду добро. *Non faciunt mala ut veniant bona* (2). И пусть не говорятъ намъ: тутъ вѣтъ обмана, а только недоразумѣніе. Пусть не сваливаютъ этой вины, *изъ-за которой міръ христіанскій былъ въ обманъ въ продолженіи седми вѣковъ*, на стеченіе обстоятельствъ, независящихъ отъ воли же-Исидора. Нѣтъ, съ его стороны то была ложь, напередъ обдуманная“. Въ концѣ: „Ложныя декреталіи, *кромь зла, ничею не произвели*“. Такъ чье же дѣло было смотрѣть, чтобы христіанство не страдало отъ подобныхъ подлоговъ и обмановъ? Вотъ гдѣ папамъ тысячу разъ надлежало бы сказать — „*Non possumus*“; а они вмѣсто того, сами сдѣлались дѣятельными соучастниками всякой неправды. Впрочемъ всѣми допускается, что папы,

(1) Авторъ пишетъ, какъ членъ римско-католической церкви.

(2) Не будетъ дѣлать зла въ видахъ добра.

какъ правители церкви, могутъ дѣлать „серьезныя ошибки—serious mistakes“. „Каждому папѣ“, читаемъ мы въ „Dublin Review“ за прошлый Юль, принадлежить, съ одной стороны, служеніе учителя церкви, а съ другой служителя, правителя и кормчаго ея. Всѣми католиками допускается, всѣми безъ исключенія, что папа можетъ дѣлать важныя ошибки въ прохожденіи сего послѣдняго служенія, хотя они хорошо знаютъ, что, при всемъ томъ, онъ получаетъ особеннѣйшую помощь отъ Святаго Духа“. Дѣйствительно, „только особеннѣйшая помощь отъ Святаго Духа“ могла воспятить ихъ „serious mistakes“ сдѣлаться болѣе важными заблужденіями или ошибками; дѣйствительно, только она могла, дѣйствія или слѣдствія ихъ безчинства (misgise) направить такъ, чтобы вся бесѣда между Господомъ и св. Петромъ при извѣстномъ всѣмъ случаѣ открылась во всемъ свѣтѣ, и именно освѣщенная свѣтомъ историческихъ событій. Догматическая непогрѣшимость была общана Господомъ св. Петру, когда онъ стоялъ во главѣ и говорилъ отъ лица всѣхъ апостоловъ, — общана въ отвѣтъ на вопросъ, сдѣланный имъ всѣмъ, а не одному Петру. Преемники его, даже до самаго предсѣдателя флорентинскаго собора, сознались, какъ я то докажу далѣе, что они никогда не говорили отъ имени всей церкви—*со времени схизмы*. Въ самый таки первый разъ, какъ св. Петръ поцѣтался учить, *послѣ своего исповданія*, на основаніи своего собственнаго мнѣнія (judgement), и независимо отъ прочіихъ учениковъ, онъ оглашенъ былъ слѣдующими властными словами Господа: „иди за мною сатано, соблазнъ ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая“. Слѣдовательно другіе Апостолы погрѣшили бы, если бы

послѣдовали ему или стали бы защищать то, чему онъ тогда училъ. Подобнымъ образомъ допустимъ теперь, что всякая догматическая непогрѣшимость, усвоенная св. Петру, завѣщана имъ его преемникамъ: чтожь выходитъ? Явно, она не спасла ихъ отъ искаженія сѣмъвола церкви, отъ искаженія противу каноническаго, и въ угоду какимъ-то королямъ; она не спасла ихъ отъ принятія подложныхъ документовъ, и не помѣшала имъ защищать ихъ, какъ подлинныя свидѣтельства; она не спасла ихъ отъ самыхъ нечестивыхъ дѣйствій, совершенныхъ подъ прикровомъ ихъ авторитета...; спрашивается теперь: изъ того, что они владѣютъ даромъ непогрѣшимости, хотя бы тѣ въ наибольшей мѣрѣ, слѣдуетъ ли, непременно ли слѣдуетъ, что корпоративное единеніе съ Римомъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть расторгаемо, или что отрѣшеніе отъ Рима никогда не можетъ быть для насъ обязательнымъ? Папамъ не должно слѣдовать тамъ, гдѣ они погрѣшаютъ; вѣдь не слѣдовали даже и св. Петру тамъ, гдѣ онъ погрѣшалъ; и потому тамъ, гдѣ для общенія съ ихъ престоломъ необходимо требуется общеніе и съ ихъ заблужденіями, такъ что одного безъ другаго и имѣть нельзя, тамъ, говорю, остается одно, а именно: — оставить общеніе съ Римомъ и общеніе съ его заблужденіями. Непогрѣшимая Вѣра необходима для Церкви, но это еще не все: въ числѣ опредѣляющихъ началъ, которыми связуются христіане, вмѣстѣ съ Вѣрою требуются—честность, правда, вѣрность, правдолюбіе, кротость и самоотверженіе. Непогрѣшимая Вѣра должна править и управлять согласно съ вышеприведенными добродѣтелями, иначе она должна оставить дѣло управленія. Имѣющій непогрѣшимую Вѣру тѣмъ

самымъ не можетъ еще ни себя ни другихъ обезопасить, при видѣ нравственныхъ кривизнъ того или другаго рода въ поведеніи общественнаго тѣла: простое владѣніе этимъ даромъ послужить только къ вящей винѣ владѣтеля ея, подобно тому, какъ пророческій даръ первосвященника, осудившаго Христа, послужилъ къ большему его осужденію; оставивъ же дѣло управленія, этотъ владѣтель истины необходимо долженъ умолкнуть, потому что онъ долженъ говорить не иначе, какъ во главѣ и отъ имени всего тѣла...

Эта теорія въ совершенной гармоніи съ фактами, которыхъ нѣтъ возможности оспорить; а кромѣ того она оправдывается сколько дѣлами, столько же и словами папъ со времени схизмы, и гораздо отчетливѣе объясняетъ намъ существующія явленія (церковнаго міра), какъ я надѣюсь доказать, чѣмъ всякая другая теорія. Вообще, дѣйствія Рима были скоры, самовластны, рѣшительны до нельзя; смѣлы до дерзости; отважны до надменности: Римъ, казалось, заботился всего больше о томъ, какъ бы поразить всѣхъ своею самостоятельностью, какъ бы увѣрить всѣхъ, что онъ никакъ не можетъ впасть въ заблужденіе или учинить какую-либо ошибку. Сравните этотъ образъ его дѣйствія съ его необычайными увертками и нерѣшительностію — относительно двухъ символовъ Вѣры, т. е. Символа древняго и символа съ прибавленіемъ. Когда онъ утверждалъ, что оба они въ догматическомъ смыслѣ одинаковы? Или: въ чемъ, по его мнѣнію, настоящая разность въ нихъ относительно ученія объ исхожденіи? Что до употребленія ихъ, то намъ снова остается обратиться къ фактамъ, уже упомянутымъ нами. Левъ III воспрещалъ употреблять символъ съ прибавленіемъ.

Его преемники помалчивали сначала, но кончили тѣмъ, что сами усвоили его, хотя не имѣли отваги навязать его тѣмъ, которые предпочитали древнюю форму символа. Григорій X. письма восточныхъ, гдѣ они не соглашались на принятіе символа съ прибавленіемъ, прочиталъ на 2-мъ ліонскомъ соборѣ, но оставилъ безъ всякаго отвѣта: и символъ этотъ три раза былъ пропѣтъ именно въ этой формѣ исключительно. Иннокентій V, преемникъ его, властно требовалъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не опускали „Filioque“ при чтеніи или пѣніи символа. Николай III пошелъ дальше, и прибавилъ, что „такъ какъ единство Вѣры не можетъ состояться при разности въ дѣлѣ ея исповѣданія...; потому римская Церковь желаетъ, чтобы символъ Вѣры былъ пѣтъ однообразно и греками и латинянами, съ прибавочной *clausa*“. Это, на самомъ дѣлѣ, рѣшительно значило, что имѣлось въ виду устранить старую форму символа; все однакожь это требованіе осталось безъ исполненія. Когда дѣло это снова поднялось на соборѣ флорентинскомъ, Римъ еще дипломатичнѣе здѣсь дѣйствовалъ, чѣмъ прежде. Тутъ вовсе никакого символа Вѣры не читали; и даже никакого намека не сдѣлали, какой символъ считать символомъ Церкви, — символъ ли въ древней его формѣ или символъ съ прибавленіемъ. Въ видахъ примиренія этихъ различныхъ приемовъ политики, Климентъ VIII и потомъ Бенедиктъ XIV прибѣгли наконецъ къ слѣдующему извороту: „Graeci credere tenentur, etiam a Filio Spiritum S. procedere, sed non tenentur pronuntiare, nisi subesset scandalum“ (1). Я вамъ обязанъ, милордъ, тѣмъ, что мое особенное

(1) Греки вѣруютъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына, но удерживаются исповѣдывать это, изъ опасенія подвергнуться осмѣянію.

вниманіе обращено на это положеніе. Посмотримъ теперь, какъ бы это отозвалось въ устахъ св. Аѳанасія. „*Ariani credere tenentur Filium homousion esse cum Patre, sed non tenentur pronuntiare, nisi subesset scandalum*“ (1). Александрійскіе отцы, А. Д. 362, при св. Аѳанасіѣ, вѣроятно, простерли свое свисхожденіе дальше, чѣмъ какой либо соборъ изъ прежде или потомъ бывшихъ, но и самъ папа Либерій, если бы онъ тутъ былъ, не могъ бы склонить ихъ къ тому, чтобы они позволили еретикамъ читать или пѣть никейскій Символъ Вѣры безъ тѣхъ словъ, которыми именно обличается ихъ ересь: и такъ чтожь отсюда выводить? Ужели то, что Климентъ VIII и Бенедиктъ XIV безразлично и безучастно относились къ ереси? Я не думаю. Во глубинѣ души своей, дѣлая подобное рѣшеніе, они, конечно, вовсе не считали ихъ еретиками. И дѣйствительно, какъ могли они считать ихъ еретиками, когда на флорентинскомъ соборѣ представители Восточной Церкви засѣдали, разсуждали и, наконецъ, подписались на тѣхъ же самыхъ условіяхъ (*on the same terms*), какъ и западные? Въ подлинномъ опредѣленіи, постановленномъ въ Базелѣ, которымъ восточные туда приглашались, было мѣсто, гдѣ они названы были „еретиками“ или „диссентерами“: мѣсто это нарочито вычеркнуто, съ замѣчаніемъ притомъ еще, что вышеозначенныя слова вкрались въ него вовсе невзначай. Далѣе, самые соборы—Ліонскій и Флорентинскій на какихъ основаніяхъ были собраны? Григорій X такъ говоритъ по сему случаю... „Чрезвычайно горько видѣть расторженіе вселенской Церкви, предображенное мрежею Петра рыбака,

(1) Аріане вѣруютъ, что Сынъ равносущенъ съ Отцемъ, по удерживаются и проч.

которая проторилась отъ множества рыбъ, ятыхъ ею... мы не говоримъ, что она раздѣлилась въ отношеніи къ ея вѣрѣ... но поразительно и жалостно раздѣлилась въ отношеніи къ ея вѣрнымъ членамъ“. Евгеній IV такъ сказалъ своимъ посланникамъ: „вы посылаетесь ради единенія Западной и Восточной Церкви, ради единенія, котораго такъ давно и такъ пламенно мы желаемъ“; онъ же, отчаяваясь въ дѣлѣ единенія, такъ выразился передъ греками: „какого добра намъ ожидать, если мы не успѣемъ соединить Церковь Божию“ (1)? Совершенно согласно съ симъ взглядомъ предполагалось и флорентинскій соборъ, если бы онъ былъ принятъ съ обѣихъ сторонъ, считать осьмымъ Вселенскимъ Соборомъ. Да и въ наше время имѣется посланіе Пія IX „къ епископамъ Церквей Восточнаго обряда“, не находящимся въ общеніи съ нимъ, въ которомъ встрѣчаемъ слѣдующую „сентенцію“, какъ бы только что вышедшую изъ подъ пера“:—Мы умоляемъ Васъ придти на этотъ вселенскій Соборъ, подобно тому, какъ ваши предшественники приходили на второй Лионскій Соборъ, бывший при блаженномъ Григоріѣ, нашемъ предшественникѣ досточтимой памяти, и на Соборъ Флорентинскій, со славою совершенный нашимъ предшественникомъ блаженной памяти, Евгеніемъ IV: возобновимъ узы древней любви (affectio), и воззовемъ къ жизни того древній миръ, этотъ небесный и благословенный даръ Христовъ, который въ теченіи вѣковъ утратился для насъ: тогда ясный свѣтъ долго-жданнаго единенія, такъ печально омрачаемый тяжкою тьмою старо-давнихъ препирательствъ, снова во всемъ блескѣ возсіяетъ предъ всѣми“.

(1) см. Divisions of Christendom; part. II, pp. 259—61, и 337—40. by Foulkes, London.

Восточные приглашаются придти на этот вселенский Соборъ, подобно тому, какъ предшественники ихъ приходили на соборы — лѳонскій и флорентинскій; отсюда неизбежно заключеніе, что его святѣйшество движется чувствами и расположеніями его предшественниковъ и усвояетъ ихъ языкъ. То есть, Пій IX представляетъ себѣ и согласно съ симъ дѣйствуетъ, представляетъ себѣ то самое зрѣлище, которое Григорію X причиняло такъ много заботъ,—представляетъ себѣ расторженіе вселенской Церкви, предъображенное mreжею Петра рыбака, которая проторглась... Церкви, не раздѣлившейся въ отношеніи къ ея Вѣрѣ... но поразительно и жалостно раздѣлившейся въ отношеніи къ ея членамъ: и слѣд. имѣеть въ виду на предполагаемомъ соборѣ то самое, что имѣлъ въ виду Евгеній IV, какъ онъ увѣрялъ Грековъ, а именно — „соединить Церковь Божию въ семь смыслѣ. Отъ того-то, столь же неизбежно, со времени схизмы до настоящихъ дней, папы формально (*formaliter*) учили, что Церковь *раздѣлена* относительно ея членовъ, но что есть Церкви составляющія собою часть Вселенской Церкви, которыя и теперь находятся и цѣлые вѣка были внѣ общенія съ ихъ престоломъ. Въ самой вещи, на практикѣ (*practically*) папы говорили такъ только о Восточныхъ Церквахъ, и, ктому еще, только о тѣхъ Восточныхъ Церквахъ, которыя были и находятся въ общеніи съ патриархомъ Константинопольскимъ; все однакожъ, допустивъ и это одно, они непремѣнно и неоспоримо должны допустить, что то, что мы называемъ римско-католическою Церковію, не составляло всей Церкви, и слѣдов. они сами, со времени схизмы, не говорили отъ лица или во главѣ всей Церкви. Безпристрастному наблюдателю не можетъ

не казаться, что при данныхъ обстоятельствахъ, положеніе ихъ должно быть было очень неловкое: они никакъ не могли быть увѣрены, что ихъ de facto положеніе не пострадаетъ, если дѣло дойдетъ до разбора ихъ купчей (title-deed): они никакъ не могли убѣдить себя, что будто восточные по своей собственной винѣ отложились отъ общенія съ ними, и будто они впали въ ересь, уклонившись внести въ Символъ Вѣры „Filioque“. Иначе, почему бы имъ не созвать вселенскій соборъ,—и сдѣлать это давнымъ давно?—Почему бы не осудить имъ на немъ восточныхъ, какъ еретиковъ, вмѣсто того чтобы каждый разъ, приглашать ихъ на вселенскіе соборы для изслѣдованія догматовъ подъ ихъ предсѣдательствомъ?

„Даже въ отношеніи къ западу, они никогда не усиливались называть свою церковь *purement et simplement* „каѳолической“, но и сами называли ее, и были довольны, когда другіе называли ее—римско-каѳолическою Церковію, находя этотъ титулъ вполне и строго опредѣляющимъ ея значеніе. То правда, что они всякимъ случаемъ пользовались заявить свое ученіе о собственномъ ихъ главенствѣ надъ Церковію, de „jure“ даже „divino“, и таково было ученіе всѣхъ тѣхъ, кои желали остаться въ послушаніи имъ; но если смотрѣть на эти притязанія при свѣтѣ тѣхъ уступокъ и ограниченій, которыя они дѣлали и дѣлаютъ относительно восточной Церкви, то окажется, что подобною декларацией (declaration) заявляется не то, что есть, а вѣчто только искомое папами: предъ нами картина идеальной или первобытной, а не дѣйствительно существующей Церкви.

(Затѣмъ авторъ переходитъ къ тому, что ему привелось видѣть и

слышать въ разныхъ католическихъ странахъ, и что смущало и возмущало его совѣсть, какъ члена римской Церкви: но мы выпустимъ эти путевыя, и слѣд., болѣе или менѣе, переходящія впечатлѣнія, и ограничимся указаніемъ въ его письмѣ тѣхъ злоупотребленій, которыя получили въ римской Церкви какъ будто законное существованіе).

„Милордъ, я вовсе не имѣю въ виду извинять то блаженное отсутствіе благоговѣнія, котораго и мы еще были свидѣтелями, и которое, я боюсь, и теперь еще, болѣе или менѣе, замѣтно въ англиканскомъ духовенствѣ, при совершеніи имъ таинствъ Церкви; но не могу закрыть глазъ при видѣ того факта, что это неблагоговѣніе, естественно, происходило въ слѣдствіе скуднаго мелкаго (low) его взгляда на таинства, а самый этотъ взглядъ родился въ слѣдствіе той дерзости, съ которою, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, безстрашно такъ говорили объ эвхаристіи, — „Sacerdos creat Deum“ о покаяніи же „Deus remittit culpam: Papa vero culpam et roenam“, и т. п. Но если взять во вниманіе наши (1) собственные взгляды на благословенную эвхаристію, то чѣмъ окажется это неблагоговѣніе англиканъ въ сравненіи съ тѣми ужасами, о которыхъ мы читаемъ въ исторіи сосудовъ и гостій (Hostiae), напоенныхъ ядомъ? Слѣды этого мы видимъ даже до сего дня въ тѣхъ особенныхъ предосторожностяхъ, которыя дѣлаются каждый разъ, какъ папа служить. Прежде нежели папа приступитъ къ таинству, обыкновенно, испытываютъ виды его такимъ образомъ. Діаконъ беретъ одну изъ гостій, положенныхъ имъ на дискосѣ, и передаетъ ее священнодѣйствующему прелату. Когда этотъ употребитъ ее, тогда кардиналь дьяконъ изъ двухъ остальныхъ беретъ еще одну и, прикоснувшись ею ко внутренней и внешней сторонамъ потира и дискоса, подносить ее тому же прелату, который, обратившись лицомъ къ папѣ, дол-

(1) Т. е. римско-католическіе.

женъ употребить ее такъ же какъ и первую. Последняя гостія употребляется для самаго жертвоприношенія. Кардиналь беретъ сосуды съ виномъ и водою и вливаетъ изъ нихъ по нѣскольку въ чашу, которую держитъ передъ нимъ священно-дѣйствующій прелать; этотъ послѣдній и долженъ тотчасъ же употребить влитое (1).

Такое извращеніе Животворящихъ Тайнъ, потребовавшее нарочитаго его огражденія, и въ такомъ видѣ, какъ выше описано, въ тѣ дни, когда жертву совершаетъ намѣстникъ Христовъ, рѣшительно не имѣетъ себѣ параллели въ лѣтописяхъ церкви: при всей высотѣ нашего взгляда на таинство Евхаристіи, оно нигдѣ такъ тяжело не профанируется, какъ у насъ (2).

„Я хорошо знаю, милордъ что выводы и заключенія мои въ самомъ корнѣ подрываютъ ваше положеніе въ Англии, если только онѣ вѣрны; но вѣдь я жилъ для изслѣдованія этихъ вопросовъ, жилъ болѣе двадцати лѣтъ, и потому едва ли вы можете обвинить меня или сказать, что въ дѣлѣ окончательнаго ихъ рѣшенія мною двигали личные расчеты. Напротивъ, я желаю въ каждомъ допустить самую чувствительную совѣсть, точно такъ, какъ желаю, чтобы и во мнѣ тоже самое видѣли. И не противъ частныхъ лицъ, и не противъ системъ я возстаю, а возстаю противъ злоупотребленія и извращенія системъ. Когда я былъ членомъ одной коллегіи въ Оксфордѣ, то мы ежечасно нарушали тамъ статуты, къ соблюденію которыхъ каждый изъ насъ обязывался клятвою. — и я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые требовали, чтобы эти статуты или формально были отмѣнены, или, въ противномъ случаѣ,

(1) L'année Liturgique, p. 158.

(2) Т. е. у рим. кат.

добросовѣстно были выполняемы. Наши нарушенія ихъ постепенно увеличивались, и незамѣтно становились какимъ-то закономъ (law): какъ же, спрашивается, могъ бы я всю вину въ томъ взводить на настоящія или непосредственно предшествовавшія поколѣнія правителей и членовъ коллегій, и укорять ихъ, какъ людей, не имѣющихъ правилъ честности? Подобнымъ образомъ я вовсе не думаю относиться къ живымъ авторитетамъ римско-католической церкви съ какимъ либо чувствомъ неуваженія или непріязни, когда обращаю ихъ вниманіе на тотъ неоспоримый фактъ, что они ежедневно нарушаютъ законъ церкви. Я разбираю и осуждаю то, что было дѣломъ цѣлыхъ столѣтій, и многихъ, столѣтій, и чего всѣ эти авторитеты, всѣ эти власти, даже вмѣстѣ взятыя, и при всей любви къ правотѣ дѣла, не могли бы измѣнить сразу, еще меньше выработать изъ него что-либо въ родѣ „perfection“. Еще разъ скажу: я разбираю и осуждаю не вѣру папъ, но ихъ правительственную политику, и, ктому еще, только ту политику, которая началась съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались одновременно и свѣтскими властителями и епископами. Такъ какъ ихъ дворъ и престолъ, со времени основанія перваго, на дѣлѣ, для практическихъ цѣлей, слились въ одно; то напрасно было бы пытаться проводить между ними линію разграниченія, и особенно потому, что приговоръ исторіи падаетъ на ихъ совокупное дѣйствіе на церковь, а не на царства или вообще на людей. Я хорошо знаю, и нерѣдко говорилъ, что Римъ оказалъ извѣстныя заслуги народамъ Европы, и въ нравственномъ, и въ общественномъ, и въ религіозномъ отношеніяхъ; споспѣшествуя цивилизаціи, онъ дѣлалъ нерѣдко трудныя усилія; и за то Европа обязана ему нѣкоторою благодарностію, хотя я полагаю, что пло-

дами этихъ усилій никто столько не воспользовался, и особенно въ средніе вѣка, какъ сами же папы. За то, когда я смотрю на дѣленія христіанскаго міра, — время прошедшихъ и настоящихъ, и извѣдываю путемъ исторіи происхожденіе ихъ: то нахожу, что, въ продолженіи послѣдняго тысячелѣтія, ничто столько не служило къ раздѣленію церкви, какъ поведеніе папъ въ дѣлѣ управленія ихъ церковію. И во 1-хъ, они позволили властителямъ сего міра обращаться съ символомъ церкви, какъ имъ было угодно, а это причинило если не разъединеніе въ вѣрѣ церкви, то разъединеніе въ домостроительствѣ церкви. Во 2-хъ, они допустили ложному кодексу войти въ постепенное употребленіе, именно тѣмъ, что нимало не позаботились справиться о немъ, т. е. о подлинномъ его происхожденіи въ своихъ архивахъ, и, наконецъ, дали ему стать на мѣсто подлинныхъ законовъ церкви. Въ 3-хъ, они потакали и помогали одной части Церкви, бывшей тогда въ меньшинствѣ, возстать противъ другой части Церкви, бывшей тогда въ большинствѣ, и овладѣть не только свѣтскимъ ея имуществомъ, но и церковными доходами, даже самыми церковными престолами; — и все это къ гибели христіанства, и къ торжеству полудунія надъ крестомъ, впослѣдствіи, въ тѣхъ самыхъ странахъ, откуда въ первый разъ сталъ распространяться свѣтъ Евангелія. Всему этому они содѣйствовали потому, что все это было въ ихъ выгодахъ и все это служило къ увеличенію и возвеличенію ихъ самихъ и ихъ престола, — и все это дѣлали согласно съ правилами ложнаго и вопреки правиламъ подлиннаго кодекса Церкви. Въ 4-хъ, какъ то я доказалъ (1), они отлагали преобразо-

(1) См. Christendom's Divisions, part I, 128—153.

ваніе Церкви въ своемъ собственномъ патріархатѣ законными, зависящими отъ нихъ средствами, отлагали до того, что Провидѣніе допустило совершиться ему средствами незаконными, гнусными. Таковъ приговоръ, произносимый исторіей надъ поведеніемъ папъ, какъ правителей Церкви, съ того времени, какъ они сдѣлались князьями или принцами. Я вовсе не думаю, однакожь, что я вывелъ на свѣтъ какіе-либо новые или малоизвѣстные факты; нѣтъ, я только сгруппировалъ ихъ побольше, чѣмъ другіе, и свелъ ихъ въ одинъ фокусъ.

Если такъ, милордъ, то спрашивается: какъ же это вышло, что нѣтъ ни малѣйшаго намека на эти факты въ тѣхъ приглашеніяхъ, которыя дѣлаются, по случаю имѣющаго быть собора? Римъ уже говорилъ; но въ томъ, что имъ сказано, я не могу найти ничего, что бы походило на исповѣдь во грѣхахъ, на признаніе правосудія Божія, карающаго за грѣхи: нѣтъ тамъ ни одного слова раскаянія въ прошедшемъ, нѣтъ ни малѣйшаго обѣщанія исправиться въ будущемъ. Весь христіанскій міръ заблудился, кромѣ его, кромѣ Рима. Изъ всѣхъ учрежденій (Institutions) одно папство стоитъ прямо, непреклонно: оно никогда не заблуждалось ни по какому дѣлу, ни по какому предмету; оно никогда не бывало чѣмъ-либо инымъ или какъ-либо иначе, а всегда было тѣмъ, чѣмъ оно есть теперь; оно сохранило и честь свою и вѣру свою—незапятнанными. Оно одно никогда не причиняло дѣленій въ христіанствѣ, оно одно не доводило христіанъ до возстанія; оно одно никогда и ничего не дѣлало, чего бы можно было постыдиться или въ чемъ бы можно было раскаяться.

„Азь есмь, и нѣсть иныя, не сяду вдовою, и не поз-

наю сиротства“. Babylon loquitur, non Ierusalem. — Триста лѣтъ тому назадъ былъ папа, который говорилъ иначе, и сказалъ людямъ правду. Съ какимъ общимъ одобреніемъ, съ какимъ сочувствіемъ всѣхъ добрыхъ и строго—мыслящихъ людей подобная откровенность была бы принята, если бы она повторилась въ настоящемъ случаѣ! „Вы скажете также“, продолжалъ говорить Адрианъ VI своему легату, „что мы откровенно сознаемся, что Богъ попустилъ этому злоключенію часть на его Церковь за грѣхи людей, и главнымъ образомъ за грѣхи священниковъ и прелатовъ Церкви... Мы знаемъ, что на семь святомъ съдалицѣ (seat), въ мимошедшіе теперь годы, много было гнусныхъ (enormous) дѣяній, много было злоупотребленій по дѣламъ духовнымъ, много было безчинія въ дѣлахъ благочинія, словомъ — все было извращено... Вотъ почему нужда настоитъ намъ воздать славу Богу, смириться предъ Нимъ и каждому, озираясь кругомъ, вопрошать себя, въ чемъ его наденіе и откуда оно“.

Лучше бы было приглашенія папы на Соборъ для возсоединенія христіанства предварить приглашеніемъ къ общему смиренію (humiliation). Еще: разумно ли, мудро ли приглашать христіанъ на Соборъ и въ то же время оскорблять ихъ? Восточные *adjurantur* явятся на соборъ, подобно ихъ предшественникамъ, бывшимъ на діонскомъ и флорентинскомъ соборахъ: но на тотъ и другой изъ этихъ соборовъ власти восточной Церкви имѣли формальное приглашеніе, въ которомъ онѣ надлежащимъ образомъ были титулованы, и на Соборъ флорентинскомъ онѣ возсѣдали и разсуждали съ западными епископами на одинаковыхъ съ ними условіяхъ (terms); и только тогда, когда онѣ ушли, введены были

депутаты отъ потомковъ еретическихъ обществъ — несторіанъ или монофизитовъ. Пиемъ же IX всѣ епископы восточнаго обряда, безъ различія, поставлены въ одну и ту же категорію: для какой цѣли? Трудно сказать; ужь конечно для того только, чтобъ не дать явиться на соборъ наиболѣе именитымъ изъ нихъ. Подобнымъ образомъ съ Non-Catholics, т. е. не римскими католиками поступлено какъ съ чернью, не имѣющей вождя, какъ съ стадомъ, не имѣющимъ пастырей, безъ всякаго между ними различія; какъ будто всѣ они одинаково лишены организаціи, и у всѣхъ одинаково отнято разуміе. И однакожь часть этой черни жила подъ правленіемъ ея епископовъ 300 лѣтъ; была пора, что всячески усиливались епископовъ этой черни привлечь на соборъ тридентинскій; во всякомъ случаѣ, должно сказать, что они нѣчто знаютъ и о самомъ дѣлѣ препирательства между этой чернью и Римомъ...

Нѣтъ, если Римъ искренно расположенъ заняться дѣломъ воссоединенія христіанства, то на это есть самыя простыя средства. Стоитъ только честно, добросовѣстно выполнить два правила—и дѣло воссоединенія христіанства совершится. Первое изъ нихъ есть древнее и хорошо извѣстное правило: „Nullum tempus praescribit Ecclesiae“. Его удобно можно примѣнять къ церковнымъ землямъ и имуществамъ: но съ безконечно бѣльшею силою его должно прилагать къ законамъ церковнымъ, — къ законамъ повсюду принятымъ и не отмѣненнымъ. То одно, что отвыкли ихъ держаться, не можетъ сдѣлать ихъ упраздненными и недействительными. Другое правило заключается въ слѣдующемъ motto: „reac through the truth—мѣрь путемъ истины“. Настойте на этомъ правилѣ: и однимъ изъ первыхъ послѣдствій будетъ то, что ложные декретаціи и все,

что на нихъ основано, распадутся, слѣдовательно распадется основаніе нынѣ царствующей дисциплины,—и древняя дисциплина Церкви еще разъ возстанетъ во всей своей силѣ. Во-первыхъ, согласно съ догматическимъ канономъ, приложеннымъ къ опредѣленію 4-го, 5-го и 6-го соборовъ, Никейскій символъ будетъ употребляться только въ той формѣ, въ которой онъ тогда существовалъ. Конечно мнѣ нечего и напоминать вамъ, милордъ, что членъ Вѣры, составляющій теперь предметъ препирательства, выраженъ былъ тогда собственными словами Христа Спасителя:—„Иже отъ Отца исходитъ“; употребляя его въ настоящей нашей формѣ, мы только дерзостно отваживаемся какъ бы поправлять самыя слова Христовы; слѣдовательно, обратившись, по прежнему, къ самымъ словамъ Христовымъ въ ихъ чистотѣ, мы, въ самой вещи, сдѣлаемъ только то, что обратимся къ самому Христу. Это одно само собою устранить главный предметъ спора между Востокомъ и Западомъ. Во-вторыхъ, Римъ, согласно съ 8-мъ канономъ Эфесскаго Собора, войдетъ въ первоначальные предѣлы своего патріархата, другими словами, — ограничится материкомъ Европы; апелляціи же пойдутъ къ нему изъ Англіи и остальнаго Запада, согласно съ Сардинійскими канонами. Апелляціи съ Востока будутъ подаваться въ Константинополь, согласно съ 9-мъ и 17-мъ канонами Собора Халкидонскаго. Такимъ образомъ съ одной стороны кончится препирательство между Англіей и Римомъ, а съ другой—кончится вмѣшательство Рима въ дѣла Востока. Латинскіе патріархи греческихъ престоловъ сами собою уничтожаются. Вселенскій Соборъ, съ папою на первомъ мѣстѣ и патріархомъ константинопольскимъ на второмъ, будетъ послѣднимъ убѣжищемъ—для всѣхъ одинаково; какъ это,

по словамъ африканскихъ епископовъ, сказаннымъ ими папѣ Целестину, и было истинною цѣлю Никейскихъ каноновъ. Въ-третьихъ..., дѣло могло бы кончиться тѣмъ... что для христіанъ было бы доступно общеніе съ Церковію и съ таинствами при посредствѣ одного Никейскаго Символа Вѣры,... согласно съ упомянутымъ нами канонамъ.

„Христіанство есть одно передъ Богомъ и *de jure*, доколѣ эти законы составляютъ часть кодекса Церкви, и остаются неотмѣненными. Оно разъединено только *de facto*, потому что они нарушаются, и исполнительная власть Церкви или не беретъ на себя пріостановить эти нарушенія, или сама относится къ нимъ соумышленно (¹). Если Римъ дѣйствительно имѣетъ въ рукахъ своихъ исполнительную власть Церкви, какъ онъ на то объявляетъ свои притязанія, если онъ дѣйствительно желаетъ единенія, то ему остается, — а именно — подвигнуть себя и другихъ къ соблюденію этихъ законовъ. Многіе меня увѣряли, и увѣряли положительно, что подобнаго рода усиліе будетъ для него возможно только тогда, когда онъ будетъ и „disestablished и disendowed“. Конечно, это ложные пророки!

Честь имѣю быть,

Милордъ Архіепископъ,

вашимъ послушнымъ и обязаннымъ вамъ слугой

E. S. Ffoulkes.

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.

8-го апрѣля с. с. 1869.
32 Welbeck Str. W.
Cavendish Square,
London.

(¹) Св. православная кѣолическая Церковь изначала и до сего дня служить неизмѣннымъ свидѣлемъ и хранителемъ истины и вѣрнымъ обличителемъ всякой исторической несправды въ области церковной. *Перев.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки